

я, сколько обстоятельства мне позволят — скажу ей должное возможное от меня словечко. Мы должны составлять одно целое — и друг за друга стоять — и это я делаю во всяком предстоящем случае. Приехав в Москву — уделю часик, чтоб тебе сообщить — впечатления мои во время пребывания моего в Питере — и здесь — в Нижнем — вне нашего семейного и товарищеского круга. Прошу тебя засвидетельствовать мое глубокое уважение Наталье Дмитриевне — дружба твоя ко мне — авось, будет поводом к расположению ее ко мне. Не сердись, добрый друг, что еще не посетил тебя в Марьине, — поверь — что одному тому помеха — мои обязанности семейные. Приношу теплые молитвы — чтоб бог укрепил твое здоровье и тем успокоил и Наталью Дмитриевну и нас истинно, ниши тебя любящим. Твой друг по гроб мой Сергей Волконский

¹ Под датой рукой Пущина пометы: «Пол[учено] 25 августа» и «Без ответа».

² Мария Александровна — Дорохова.

³ Слово «питает» в подлиннике написано дважды.

⁴ Александр Николаевич — Муравьев, декабрист, нижегородский губернатор в то время.

⁵ Сестра Крюкова — княгиня Надежда Александровна Черкасская, жившая в Москве.

15—43. ПИСЬМА А. В. ЕНТАЛЬЦОВОЙ К И. И. ПУЩИНУ

15

1857. Генваря 9-е, Москва¹

Наконец, доброй, милой, дорогой друг мой Иван Иванович, место жительства моего определилось, я остаюсь здесь, в Москве; меня встретили и приняли: Сергей Григорьевич, Марья Николаевна и все семейство их так дружелюбно, так обязательно ласково, что я не имела ни духу, ни желания отказаться, когда сказали они мне, что не отпустят меня из Москвы, сейчас перевезли меня к себе, и я прожила у них 10 дней; теперь я наняла квартиру маленькую близ их квартиры, у них негде, я жила в комнате Марьи Николаевны, ни ей, ни мне не было удобно; а внизу у М[олчанова] комнат много, но все заняты, что скажете вы мне на это? От Марьи Казимировны² я не получила ни одной строчки после того письма, в котором предлагала она мне переселиться в Киев; я очень благодарна ей за это участие и доверенность к моему нраву, но знаете ли, меня мучила мысль жить с людьми, не близко мне знакомыми, а ведь М[арья] Н[иколаевна] и С[ергей] Г[ригорьевич] мне давно знакомы, они меня знают, в Чете³ мы жили вместе, я очень довольна, что могу видеть их всякой день. Теперь все семейство вместе, я так застала их, но теперь они горюют: завтра отъезжает Миша на Кавказ, вы, конечно, знаете, с каким поручением, я не спрашивала и потому сказать вам не умею. — В Москву я ехала с Муравьевыми⁴, они живут у М. Бибикова⁵. Нонушка очень мила со мною, дети у ней прекрасные. Сергей Григ[орьевич], Марья Нико[лаевна] и милая, умная, добрая Нелинка здоровы, также и прекрасной Сережа⁶, а М[олчанов] все в одном положении, кажется, даже ему хуже, но он уверяет, что поправляется...

В Нижнем оставила я всех здоровыми; М[арья] А[лександровна]⁷ поехала нас провожать через Волгу⁸, при прощанье она вышла из своих саней, простясь со мной, она подошла к возку Марьи Ко[нстантиновны]⁹. Тут наехали какие-то гуляки и своими санями уронили ее

под сани, но, слава богу, не было никакого вреда; Свистунов, которой остался жить в Нижнем до лета, писал, что М[арья] А[лександровна] отделалась только падением и испугом, гуляк взяли, кто они, он не говорит.

Каково ваше здоровье? Я так давно ничего не знаю о вас, скажите что-нибудь, хоть несколько слов, адрес мой: против церкви Спиридония, в каменном доме священника Лаврова, здесь я живу другой день, но, видно, мне уж доля такая, холодно ужасно, топим хорошо, может, еще не нагрелись комнаты, т. е. одна разгороженная.

Сергей Григорьевич говорил мне, с какою радостною любовью встретили вас друзья ваши, я в этом и не сомневалась, вы так добры, что нельзя не любить вас, дай боже, чтобы вы были здоровы, об этом непрестанно молю его беспредельное милосердие. Оставшись в Москве, я теперь верую в возможность увидеть вас, до свидания, мой доброй, милой друг, всю душою преданная вам

Александра Ентальцова

Еще раз повторяю: в Нижнем, слава богу, все здоровы. Здесь также. Как здесь все ко мне добры и ласковы, и я была бы очень счастлива, если бы знала о вас от самого вас.

Здоров ли Егор Антонович?

¹ Под датой помета Пущина: «Пол[учено] 14 генваря».

² Марья Казимировна — вдова декабриста Юшневского.

³ Чета — правильно Чита.

⁴ Муравьевы — Матвей Иванович Муравьев-Апостол с семьей.

⁵ М. Бибилов — племянник Муравьева-Апостола, женатый на Софье (Нонушке) Никитишне Муравьевой.

⁶ Сережа — Молчанов, внук Волконских.

⁷ Мария Александровна — Дорохова.

⁸ Вероятно, через Оку, а не Волгу, не лежащую на пути из Нижнего-Новгорода в Москву.

⁹ Марья Константиновна — жена М. И. Муравьева-Апостола.

¹⁰ Егор Антонович — Энгельгардт.

16

1857 года генваря 13, Москва¹

Очень рада представившемуся случаю написать к вам, доброй, почтенной друг Иван Иванович, и спросить у вас, получили ль вы письмо мое из Нижнего, в котором было положено два письма Натальи Дмит[риевны]². Я писала вам отсюда также и сказала, что осталась в Москве, получили ль вы и это письмо, оно от 10 ген[варя]. Я потому спрашиваю, что совершенно не знаю, куда кладут письма, уведомте, сделайте дружбу; если все мои письма не дошли, куда были адресованы, то это очень неприятно, потому что были о деле, и я прожду ответов и, может быть, не получу их. Я именно потому и прошу известить меня, чтобы переменить место для кладки их; а так как вы ближе всех, то скорей ответом вашим отстраните этот беспорядок.

Поздравляю вас с новым годом, желаю вам всевозможного счастья и, главное, здоровья, вы счастливы, любимы и уважаемы всеми, это высшее счастье человека. — Отвечайте же, пожалуйста. Крепко, крепко жму руку вашу и остаюсь всегда преданным вам

другом

Александра Ентальцова

На 4-й странице адрес:

Ивану Ивановичу Пущину

¹ Под датой помета Пущина: «20 января». На 4-й странице написан карандашом ряд цифр.

² Наталья Дмитриевна — Фонвизина.

17

1857. Января 22-е, Москва¹

Как благодарить тебя? Листок твой от 10 ген[варя] воскресил меня, дорогой, бесценной друг мой; желаю и молю бога, чтобы каждой час, каждая минута бесценной твоей жизни была так счастлива, так отрадна, как то чувство, которым полно сердце мое, ты сделал мне благодеяние, благодарю, еще благодарю. — Здесь доходили до нас вести о вашем прибытии в семейство, о встрече и приеме вас друзьями; о встрече родных я не говорю, она не могла быть иная, как самая сердечная; но о здоровье вашем никто не мог известить меня, это сильно меня тревожило. — К большому моему сожалению, я не имела удовольствия видеть Михаила Адреевича Рябинина, он сообщил бы мне, как ваше здоровье. Го[сподин] Рябинин был в квартире Молчанова, я живу уже в своей. Я писала вам отсюда два раза, ген[варя] 10 и 13. Получили ль вы эти листки? До сих пор я не знала, куда класть их, теперь живет у меня дева, которая отнесла вчера два письма в почтовое отделение: одно к Я. Д. Казимирскому, другое в Киев; туда я писала, что С. Г. и М. Н. Волко[нские] не отпускают меня из Москвы, что старое с ними знакомство, доброе расположение ко мне и очень многие заботы их о мне не допустили меня до неблагодарного отказу; я писала и вам в тех письмах, что осталась здесь, и очень обрадовалась, найдя в письме вашем от 26 дека[бря] (его вчера получила) желание, чтоб я недалеко уехала; это самое горячее было мое желание, оно было главною причиною моей решимости остаться здесь навсегда. Правда, я не могла бы скоро ехать отсюда, беспокойство дороги и целой месяц пребывания в Нижнем крепко расстроили мое здоровье, начинаю отдыхать и собирать силы, у меня болела грудь незнакомою мне болью с самого приезда сюда, мне не хотелось заботить собою эту добрейшую семью, но вот три дни назад вылилось у меня из горла больше полу-стакана крови, боль прекратилась, и силы стали возвращаться, тем и кончится без разговоров и забот, слава богу.

Мне кажется, что Ваня не мешает там, но если бы мог мешать, то М[ария] А[лександровна]² не набирала бы детей столько, как она набрала их, и таких, которые могли бы ехать с матерью в Минск, и тем больше, что Буцкая непременно в июле приедет в Нижний для помещения дочерей в институт; но это, конечно, дело М[арии] А[лександровны], и я боюсь только, что достанет ли кому иметь за ними должной присмотр. За Ваней очень смотрит сестра, но она еще сама ребенок, и ей нужен совет и время для своих занятий. Я очень рада говорить с вами о них. Благодарю вас, вы не ошиблись; думая беспрестанно о вас, мне казалось, что все ваши ощущения отражались в моем сердце, мне казалось, я видела вас с милыми родными, растроганного, любящего и любимого, то веселого с друзьями и все же любимого и любящего, всегда и везде того же милого, дорогого мне друга; часто думаю о милой, доброй, умненькой Аннушке и резвом Ване, бог пошлет им ангела, верного наставника и хранителя их. Когда вы возвратитесь в Нижний, сами устройте Ваню. Ему пора учиться, не быть дикарем.

У Марьи Николаевне я всякой день, хоть на два часа; тяжело, как и вам, мне у них быть. Нелинька точно прелесть, как вы выразились,

она необыкновенная женщина, как она уважает и хранит свои обязанности жены, кажется, жало змеи не может коснуться ее чистого имени; Молчанова любить нельзя было и прежде, а теперь он, хотя и жалок, но все же гадок. — Дом их стал модным, беспрестанные посещения дам аристократок, ищущих знакомства с княгиней и Нелинькой, к Сер[гею] Гри[горьевичу] также беспрерывно являются для представления или для возобновления старого знакомства; молодые модные люди и литераторы просят позволения быть представленными М[арии] Н[иколаевне] и Нелиньке, всем этим они тяготеют и скучают, и дом их от 2-х часов дня до 5-ти беспрестанно наполнен посетителями обоого пола, по вечерам с 9-ти часов бывают только близкие, тут занимаются музыкой, Миша и Нелинька поют, и оба поют чудесно. Старик Ермолов³ просил Серг[ея] Гри[горьевича] дать ему свой портрет; с большим уважением обнял он нашего честного Се[ргея] Гри[горьевича], старой, безногой Яшвель был сам у С[ергея] Г[ригорьевича], все это меня очень радует за вас, почтенные боицы. — Сегодня обедали мы у Але[ксандра] Ни[колаевича] Раевского, он очень любезен был со мною, и вообще все посетители М[арии] Н[иколаевны] очень ко мне благосклонны. Что за добрая, умная и любезная особа Софья Николаевна⁴, она так добра и ласкова ко мне, что мне даже совестно, не знаю, как доказать ей, как чувствую наследственную доброту ее родителей ко мне; она часто посылает ко мне своего человека, не нужно ли куда послать. Бибиковы, муж и жена, тоже очень внимательны⁵. Матвей Ива[нович]⁶ и его семейство все еще у племянника, он ждет брата Василья. — Завтра утром едет Миша на Кавказ, он все ждал данного ему в помощь к[нязя] Еристова, тот только два дни как здесь. — Вот вам все, что знаю. — Я просила вас сказать, получили ли класть письма туда, куда до сих пор их клали; если вы не получили, то и другие не дошли. — До свидания, мое божество, крепко обнимаю тебя со всею горячностью преданного тебе сердца.

Вот адрес: Арбатской части, на Спиридоновской улице, против церкви Спиридония в доме священника Лаврова.

Пиши на мое имя. Мой доброй, мой дорогой, бесценной друг. Обнимаю тебя.

¹ Под датой помета Пущина: «Пол[учено] 29 января».

² Мария Александровна — Дорохова, у нее жили дети Пущина Анна и Ваня.

³ Старик Ермолов — Алексей Петрович.

⁴ Софья Николаевна — Раевская.

⁵ Бибиковы — Михаил Илларионович и Софья Никитишна.

⁶ Матвей Иванович — Муравьев-Апостол.

18

Января 30-е [1857 г. Москва]¹

Доброй, милой друг мой, благодарю вас за известие о себе, очень благодарю за дорогую память о мне. Очень рада, что вы принялась как следует за лечение, у вас так много прошло времени в дороге и радостных свиданиях с дорогими родными и друзьями. Конечно, тут можно многое забыть, даже болезни, а она, между тем, свое дело делает, развивается далее; слава богу, что, наконец, стало возможным подумать вам о себе; я уверена, что бог вонмет молитвам друзей ваших и поможет вам во всем, благословит милую Аннушку и Ваню, я не знаю ничего сердечнее пожелать вам, как здоровья и счастья этим детям. Вы довольны, что я осталась в Москве, и желаете знать,

хорошо ли я устроилась? Благодарю вас, доброй, ненаглядной друг мой. Расскажу, как есть: у меня три комнатки и кухня, ход через кухню, пахнет кушаньем, угорела не раз, но это улажено, открываем боковую и освежаем воздух, но это выстуживает и без того холодную квартиру; комнаты мои в нижнем этаже, может быть, на поларшина в земле; квартира точно не совсем удобная, но я поверила хозяйину, что она теплая, и, желая быть поближе к доброму, обязательно ласковому семейству Волко[нских], не имела догадки обратить внимание на расположение комнат, желая скорее отдохнуть после двухмесячного скитанья, труда и утомительного беспокойства не на своем месте, обрадовалась, что буду в своем углу и близко к друзьям, перешла и пока дождалась кровати, стульев, стола, я бог знает как и на чем спала. Теперь, слава богу, это устроено кое-как, и мне довольно спокойно, но зиму доживу здесь, весной будет удобнее заняться этим, я еще до сих пор не могу отдохнуть от дорожного труда, а труд был выше моей силы, и бог поможет, отдохну, укреплюсь силами и отыщу уютную квартиру, может, даже и близко так же, как и эта.

Да, без сомнения, я взяла прислугу, это девушка немолодая, она хотя говорила о многих своих познаниях по части своей должности, но они ограничиваются очень в тесном кругу, но и это поправится, ведь вдруг нельзя же. Как я тебя люблю, мой доброй друг, как люблю, как благодарна за участие, которое принимаешь в моем помещении и во всем. Больно, тяжело сердцу было читать строчки, в которых говорите вы о Егоре Антоновиче², неужели усиленные умственные труды лишили его всякого сознания?

Марья Николаевна³ просила меня передать вам ее совет, вот что: покажите Егору Антоновичу из его писем к вам те, которые больше заключали в себе дружбы и любви к вам и в которых были его добрые советы, участие; как мне вас жаль, вы глубоко тронуты положением старца, так вами любимого, друга вашего детства и молодости, вполне разделяя ваши чувства.

У Марьи Ник[олаевны] всегда посетительницы и посетителя, их знакомства ищут с большим старанием и оказывают им большое уважение. На-днях графиня Ростопчина читала у М[арии] Н[иколаевны] свою комедию, продолжение «Горе от ума» — «Возвращение Чацкого в Москву»⁴. Она давно добивалась этого, чтобы читать у Волк[онских]; читала не хорошо, худо, в комедии много злого, есть и смешное, но тонко-острого, мне кажется, вовсе нет. Может, потому, что продолжать Грибоедова не многим удастся; графиня хороша собой, любезна, конечно, и умна, она так много написала стихов. Она читала, и вечер прошел довольно живо; рукоплесканий не было, никто не решился почтить ее этим. Вот вам пока из светского моего быта.

Покаместь прощай, мой доброй друг, мое б[ожество], будь здоров, спокоен, весел и не забывай всюю душою преданного тебе друга.

Обнимаю тебя. Сегодня писала Оболенскому.

¹ Под датой помета Пущина: «Пол[учено] 2 февраля».

² Егор Антонович — Энгельгардт.

³ Мария Николаевна — Волконская.

⁴ «Возвращение Чацкого в Москву», см. письмо С. Г. Волконского к Пущину от 29 января 1857 г.

Февраля 8 [1857 г.] Москва¹

Боже мой, боже мой, какая невыносимая тоска, как грустно, как тяжело слышать, что вы так опять сильно разболелись, доброй, достойной друг мой. Немного дней назад я получила от Ниночки² известие, она говорила, что вы часто пишете к ним и, слава богу, чувствуете себя несравненно лучше того, как были в Ялуторовске и при последнем с нами свидании, что нога ваша заметно очищается. Я от всей души поблагодарила бога, и в тот же день слышу страшную весть о возобновившейся болезни, дошедшей до опасного состояния. Это то же, что было с вами в Ялуторовске? Доброй, дорогой всем нам Иван Иванович, вы поверите, как эта весть всех нас поразила. Молюсь за вас, да сохранит вас господь бог для близких родных и для преданных вам друзей ваших.

С получением этого последнего известия о вас Сергей Григ[орьевич] и я спрашиваем друг друга, нет ли о вас новых ведомостей, и ни он, ни я не имеем что сказать отрадное друг другу. Прежде чем дошло до нас о вашей болезни известие, я сердцем чувствовала, что с вами что-то недоброе, душа болела невыносимо, и теперь еще сжата огненным давлением, хотя Павел Сергеевич³, привезший сведения о вашей опасной болезни, говорил, что вам несколько лучше, но вы знаете, как страшно все за тех, кому желаешь всесовершенного, полного счастья.

Пожалуйста, не сердитесь, не раздражайтесь беспокойною заботой о вас, добрейший друг мой. Поручаю вас благости господней и покрову пречистой его матери.

Всегда преданной друг ваш

А. Е.

Здесь все наши, слава богу, здоровы, веселятся всякой по своему свойству; Евгений⁴ ждет отца и брата, уже выздоровевшего, ждет и Басаргина, ищет ему квартиру. Что еще сказать вам? Ничто нейдет на мысль, кроме вашего здоровья. Крепко, крепко жму вашу руку. Храни вас милосердие господне.

Среда 13 ф[е]в[р]а[ля]. Чем и как возблагодарить милосердие господне за радостное известие о облегчении вашего здоровья, доброй, дорогой друг мой. Вчера мне говорили, что опасность прошла, слава и благодарение богу. С нетерпением ждем возвращения Мих[аила] Миха[иловича]⁵. Он нам расскажет все. Для господа бога, для всего, что вам на земле дорого, берегитесь. Вы знаете, как вы дороги друзьям вашим. Не осмеливаюсь говорить о чувствах родных ваших, сужу о них по моему беспокойству и сердечному делу его с ними. Доброй друг мой, вы знаете, как вы любимы друзьями вашими.

Сергей Петрович Трубецкой, говорят, скоро собирается в Киев, я его только один раз видела, он был у Сер[гея] Гри[горьевича] и больше уже не был у них. Он окружен родными и, говорят, не имеет время, т. е. он все у них, а, может, и дела есть. Сам Сер[гей] Гри[горьевич] не может застать дома, сколько раз ездит к нему. Я виделась с Зинаидой Сергеевной⁶, раз у Нелиньки⁷, другой у Нонушки⁸. Ни она, ни папа ее⁹ у меня не были, Свербеев был у меня с Евген[ием] И[вановичем]¹⁰ и семейством М[ихаила] Мурав[ьева]¹¹. Он очень похудел, очень мил, как и прежде. Нелинька здорова, она чудное существо, доброе, справедливое, великодушное. Марья Ни[колаевна] грустит, С[ергей] Г[ригорьевич] грустит и скрывает свои чувства, не очень здо-

ров, Сережа¹² прекрасной ребенок. Крепко жму руку вашу и обнимаю вас мысленно, поручая хранению божию, друг ваш до гроба, преданной друг.

А. Е.

¹ Под датой помета Пущина: «Пол[учено] 17 февраля».

² Сергей Григорьевич — Волконский.

³ Павел Сергеевич — Бобрищев-Пушкин.

⁴ Евгений — Якушкин.

⁵ Михаил Михайлович — Нарышкин.

⁶ Зинаида Сергеевна — Свербеева, дочь Трубецкого.

⁷ Нелинька — Е. С. Молчанова, дочь Волконских.

⁸ Нонушка — С. Н. Бибилова, дочь Никиты Муравьева.

⁹ Папа ее — С. П. Трубецкой.

¹⁰ Евгений Иванович — Якушкин.

¹¹ М. Муравьев — Михаил Николаевич (будущий «вешатель»), женатый на тетке Е. И. Якушкина.

¹² Сережа — Молчанов, внук Волконских.

20

Февраля 27 [1857 г.] Москва¹

Доброй, дорогой, почтенной друг мой Иван Иванович, благодарю господу бога за отрадное, успокоившее меня известие о состоянии вашего здоровья; все время неизвестности о вас сокрушало и тревожило всех нас ваше положение. Благодарю бога, непрестанно благодарю его великую милость, и как все мы будем счастливы, получив хоть несколько слов от вас. Как я-то рада, что ваше почтенное семейство успокоено вашим лучшим состоянием здоровья.

У нас все попрежнему, грустно видеть родителей прекрасной, чудной Нелиньки; я часто, глядя на нее, думаю, чего недостает ей нравственно? Она все имеет с избытком, недостает ей счастья, но я так твердо верую в правосудие и милость того, кто посетил ее временным этим испытанием, он воздаст ей за ее безропотную покорность святой его воле. Молчанов, по моему мнению, все больше и больше разрушается, хотя уверен, что ему гораздо лучше, или он думает, что этим утешает родных? Вообще очень тяжело быть с ним, хотя я почему-то пользуюсь его расположением. Марья Николаевна глубоко огорчена положением дочери, она мучается этим; вы знаете твердость Сергея Григорьевича, он молчит, редко высказывает свои чувства, щадя дочь и жену, но он сильно огорчен и раздражен против его. Конечно, и Дм[итрий] Вас[ильевич] жалок, но он эгоист в душе и не умеет принять на себя равной доли с ними этого тяжкого испытания кроме того, которое наложил на него сам бог, — его немощи телесные. Я огорчаю вас, рассказывая вам все это, доброй, дорогой мой друг, но ведь вам многое известно, известно больше, чем им самим; знаю также, что вы им истинной, преданной друг и не осудите меня за то, что не таю от вас ни мыслей, ни чувств моих; вы знаете, как люблю я это достойное семейство, как люблю вас, доброй друг мой; знаю также, как и вы их любите, все они четверо, т. е. Волконские, все они достойны вашей дружбы и неизменной приязни, а теперь еще больше, неся на себе всю тяготу семейного бедствия. Не могу не повторить: какого искреннего, сердечного уважения достойна эта милая Нелинька. — Она собирается после святой недели в деревню, за 50 верст от Москвы; до сего они, т. е. Марья Ник[олаевна] и Нелинька, собирались ехать в конце марта за границу, но встретились неожиданные препятствия, и они отложили эту поездку до времени; в деревню приглашают меня, я с удовольствием поеду с ними, а может быть, и

М[ария] Н[иколаевна] [и Нелинька] скоро будут готовы, чтоб пуститься в путь, о котором так давно и много думали и заботились; беда моя, я не могу здесь устроиться с прислужгой, все мне рекомендуют за славных, знающих всякое дело женщин, а эти славные женщины, переступив мой порог, с утра до ночи шумят пьяные; вот уже третью меняю, не знаю, что бог даст в новой. — Белоусович² еще не получал моего пашпорта из Тобольска, научите, что мне делать, где достать его? Право, это меня ужасно все тревожит; деньги тоже. Лежат или лежали в Ялуторовске, может, теперь отосланы сюда в московскую полицию, это сто 14 руб[лей] серебром, другие же 71 целковой не знаю где; не найдете ли вы способа устроить пересылку всех этих целковых прямо в Москву на мое имя, т. е. на следующие года, если бог велит еще жить. Да и о пашпорте моем нельзя ли тоже похлопотать, когда будете выезжать. Не зная, как во всем этом действовать, я, право, в отчаянии, помогите мне вашим советом и похлопочите за меня, здесь все ничего не знают или не хотят войти в мое положение.

До следующего письма, крепко жму руку вашу, поручая вас благости божей.

Неизменной друг ваш

А. Е.

Иван Дмитриевич приехал, Вячеслав остался в Казани. Ждем Басаргина³.

¹ Под датой помета Пущина: «Пол[учено] 2 марта».

² Белоусович — ялуторовский исправник.

³ Иван Дмитриевич — декабрист Якушкин, Вячеслав — его сын Басаргин — декабрист. Якушкин и Басаргин приехали в Москву из Сибири после амнистии. Вячеслав Якушкин по пути заболел и потому остался в Казани.

21

Понедельник, 4 марта [1857 г. Москва]¹

Златовласого Михайла Васильевича² я встретила с такою сердечною радостью, как златокрылого небесного вестника, принесшего радостную весть о вашем возвращении к здоровью, к сердцу ваших друзей. Думая непрестанно о вас, доброй, милой друг мой, я непрестанно благодарю господу бога за окончание этой тяжелой години, то, что с такою болью лежало на моем сердце, то чувство не выскажется словом. Теперь мысль о вас, выздоравливающим, исцелила мою душу и мою голову. Я боюсь, что листки мои, доходившие до вас в то время или, лучше сказать, от того времени, могли быть вам неприятны, теперь я только стала способна понять это. Будьте добры, снисходительны, отпустите мне этот невольной грех, видите ли, друг мой, когда сердце разрывается горькою неизвестностью, оно не подчиняется рассудку. Пожалуйста, забудьте мое неблагодарное и оправдайте меня перед собою. Я прошу не только извинить мое слабодушие, но и забыть о нем.

Не знаю, что делать? Ни пашпорта моего не выслало в Ялуторовск Тоб[ольское] губ[ернское] правление, ни из Ялуторовска деньги сюда не выслали еще. Я боюсь, что эти деньги будут ходить из места в место, пока перейдут в пользу почты. Научите меня, доброй друг мой, кого просить, чтоб дали мне пашпорт и чтоб пенсия, мне данная, выдавалась мне из московского казначейства. Я говорила с некоторыми здесь, но они, кажется, не больше моего знают, а

время идет да идет. Пожалуйста, дайте совет, право, я в отчаянии. Марья Николаевна оступилась на лестнице, только двумя ступенями, т. е. думая, что последняя, но их было две, упала, и так сильно повредила ногу, что вчера не вставала с постели; ногу не сломала, не вывихнула, но боль сильная. Вчера ставили пиявки, сегодня я еще ее не видала, дай бог, чтоб увидеть здоровою. Я еще не была у ней, потому, что у меня опять новая слуга, но это уже не городская, а деревенская женщина, беда да и только здесь с прислугой, две у меня жили попеременно, наговорив, что все умеют делать, ни за что ни одна не бралась, пили и шумели до того день и ночь, что невозможно было без ужаса оставаться. Много у меня пропало. Теперь эта деревенская тоже ничего не знает, но вот шестой день живет, не была еще пьяна, но вымыть и выгладить надо отдать прачке. Москва безнравственна в простом народе. Молчанов стал несносного нрава, был ли он лучше, бог его знает, а теперь он очень подходит к сумасшедшему; бедная, прекрасная Нелинька, долго ли продлится такое положение, и чем оно кончится? М[ария] Н[иколаевна] сокрушается до отчаяния, она винит себя, как преступницу, но надо и ее оправдать, она не могла желать своей дочери зла, в убеждении, что она этим замужеством упрочит ее счастье, дали ей настойчивость достигнуть желаемого, и теперь терзается, больно ее видеть. Она обожает детей своих, они вполне достойны всей нежности родительской и любви друзей. Доброй Сергей Григорьевич с трудом выносит все, что видит и знает о М[олчанове], но, щадя бедную дочь, молчит, кажется, до времени. Я не могу не быть у них всякой день, но что это мне стоит, трудно сказать, не могу не быть у них, мне нужно их видеть, но для чего я всем это передаю? Оставим все на волю божию, не без премудрой его воли совершилось это, и он по благодати своей воздаст Нелиньке за безропотную ее покорность. Чем мы можем себя успокоить за нее, как не этою верою в его благодать. О Мише³ вы, верно, знаете, что он на Кавказе и как он там? Все наши здесь здоровы, И[ван] Д[митриевич]⁴ приехал, Басаргин выехал из Ялуторовска, и ждем его.

Обнимаю вас, милой, бесценной друг мой. Крепко обнимаю со всею любовью преданного тебе сердца. Поручаю тебя милости божией и покрову пресвятой богородицы, друг твой до гроба и за пределами гроба.

А.

Право, мне сдается, что Молчанов и умом неисправен, к тому же самолюбив донельзя.

Получили ли вы мое письмо от 27 февраля? Боюсь, не забыл ли его Сергей Григорьевич? Мне не с кем было послать на почту, то и просила его.

5-е, вторник. Златовласый хотел вчера быть у меня и взять к вам послание, но не успел, как сказал вечером у Нелиньки, а сегодня возьмет. Он у меня был в день своего приезда в Москву, но не нашел меня дома; на оставленном им билете стоит барон, откуда это?⁵ Неужели родовое титуло, возвращенное нашим господам, товарищам отца его, обаронило и его? Какое малодушие доброго человека. Да, ваш двоюродной брат, то-есть Рябинин, не застал меня дома, когда привез от вас письмо, и я, к сожалению моему, не имею удовольствия знать его, он, кажется, не бывает у Сер[гея] Гри[горьевича].

Что еще сказать вам, доброй, дорогой, милой друг мой? Не знаю,

право, не знаю, разве расскажу вам образ моей жизни: у Марьи Николаевны бываю я всякой день, отправляюсь туда в три часа пополудни, иногда несколько раньше, иногда позже, там обедаю, беру с собою туда работу, когда найду у них новый журнал, московской, у них других не получают, петербургские лучше по-моему, читаю иногда вслух, а чаще у М[арии] Н[иколаевны] в комнате одна и часто возвращаюсь домой в 8-мь часов или половине 9-го, редко сию вечер. Особливо это время у меня, бедной, такая все была прислуга, что могу сказать без всякой прибавы, что о таких женщинах я, кажется, и не слыхала, а уж при себе никогда не имела, бог хранил до Москвы. Теперь у меня деревенская, вот живет неделю, еще не была пьяна, как бы не сглазить, но ровно ничего не умеет, но я и ей рада, по крайней мере, тихо днем и ночью. Бываю редко, однако ж, у Нонушки⁶, у Евген[ия] Якуш[кина], у Софьи Никола[евны] Раевской, сестры М[арии] Н[иколаевны], у ней бываю чаще других. Теперь надо бывать у Зиночки и очень добрых родных ее мужа⁷. Я чаще была бы у всех их, они очень ко мне все любезны и внимательны, но извозчики и, когда отправляют домой в своем экипаже, награда кучерам разорительная, что скажет будущее время? Может быть, устроюсь, привыкну к огромным размерам Москвы, может, будет лучше, а не то ограничусь тем, как теперь живу. Обнимаю вас.

¹ Под датой помета Пушкина: «Пол[учено] 7 марта».

² Михаил Васильевич — Тизенгаузен, сын декабриста. По цвету волос его называли златовласым и рыжим.

³ Миша — сын Волконских.

⁴ Иван Дмитриевич — Якушкин.

⁵ Многие члены рода Тизенгаузенов имели графский и баронский титулы, но декабрист В. К. Тизенгаузен никаким титулом не пользовался.

⁶ Нонушка — Софья Никитишна Бибикина, дочь Никиты Муравьева.

⁷ Зиночка — дочь С. П. Трубецкого, бывшая замужем за Н. Д. Свербеевым; его родители играли видную роль в московском высшем свете.

22

Марта 19 [1857 г.] Москва¹

Благодарю вас, доброй, дорогой друг мой Иван Иванович, за хорошей, умной совет, которой тот же час пошел у меня в дело. Письмо о переводе пенсии в московское казначейство идет вместе с этим листком; благодарю и крепко жму вашу руку. На-днях получила я от Белоусовича письмо, говорит, что до сих пор вид мне не выслан еще из Тобольска, что напомнить о нем он не имеет права губ[ернскому], какому же не знаю, присутственному месту, тем более, что за свидетельство, данное им мне для проезда, ему досталось. Напишу безмозглему поляку Арцымовичу², напомню ему, что это уже в третий раз прошу о паспорте. Беда, да и только думать о делах с чиновным людом. Если бы у меня были враги, и им бы не пожелала этой беды.

Со всяким днем драма в семействе становится грустнее и тяжелее, больной³ заметно слабеет умом, а тут делаются и открываются непорядки по счетам, долги, заклад дома и деревни его, все это тайно от всего семейства. С[ергей] Г[ригорьевич] всякой день ездит по присутственным местам, плотит за него. Мне тяжело такое положение их с делами больного, каково же должно быть им? К тому ж больной потерял всю любовь и расположение родных; чудная Нелинька твердо стоит на своем месте, не падает ни духом, ни верою,

сам бог ее опора. Вы, верно, многое знаете от Николая Дмитриевича⁴, потому и не вхожу в подробности всех непорядков М[олчанова], но большая часть этих непорядков есть следствие его болезни. Надо было давно взять от него все дела, в которых главное расчет и интересы. Уж, конечно, подрядчики и мастеровые брали с него по два и по три раза следуемые им деньги и работая как-нибудь.

Среда 20.

Вчера окончательно бедной Молчанов объявлен докторами сумасшедшим. Давно все были в этом уверены, но так явно еще не выражалось его положение, как эти два или три дни. Надо было обратиться к врачам, теперь они объявили окончательно то, что предсказывали.

Бедная Нелинька очень грустна, а он жалок. Марья Николаевна помирилась с ним. Чем господь бог окончит это тяжкое испытание.

Грустно говорить об этом, но вы любите их и принимаете сердечное участие во всем, до них касающемся. Больной очень тих, только поступки дики. Что дальше будет — буду сообщать.

Я знаю, что вам и скучны и грустны все эти сведения, но я, слыша их всякой день и сочувствуя семейству всею душою, кажется, потеряла способность о чем-нибудь думать. Что могу сказать о себе? Кажется, все то же; квартира моя была бы для меня очень удобна, но она так холодна и сыра, что нет средств отдохнуть и поправиться после двухмесячной дороги и кочевой жизни в Нижнем и 10 дней здесь в чужих квартирах без всякой прислуги. Впрочем, в этом отношении я не могу сказать, что, живя в своей квартире, я имею прислугу. Теперь у меня деревенская баба, ровно ничего не смыслящая и не понимающая, но, правда, трезвая, правда, однако, и то, что труды мои несколько не уменьшились и мне не по силам, но хоть по ночам тихо, не шумит и не буянит, как три граци и первые, две из них старые, а одна точь в точь Марфуша из «Домика в Коломне» Пушкина.

Я еще не видала Н. Д. Свербеева, он ни у кого не был, возвратясь с Питера. Мне очень жаль, что Михаил Андреевич Рябинин не застал меня дома (я тогда жила еще у Волконских), а после уже я не слышала, был ли он у М[арии] Н[иколаевны]. Нелинька говорила мне вашу встречу в Москве. Бесподобная эта святая Нелинька, благословение небесное не оставит ее в тяжелых опытах жизни.

Обнимаю вас, доброй друг мой, поручая вас милосердию господнему и хранению его. На днях писала я к Аннушке⁵ и Ване на листочке с картинкой. Еще раз крепко и сердечно обнимаю вас, крепко жму руки ваши и остаюсь до гроба другом вашим. До свидания, будьте здоровы и веселы. Да вам, верно, писали уже сами Муравьевы⁶ и Якушкин⁷. Храни вас бог всею благодатию своего милосердия.

Александра Ентальцова

¹ Под датой помета Пущина: «Пол[учено] 22 марта».

² Арцымович — тобольский губернатор.

³ Больной — зять Волконских Молчанов.

⁴ Николай Дмитриевич — Свербеев.

⁵ Аннушка — дочь Пущина.

Марта 26 [1857 г. Москва]¹

Час от часу бедному Молчанову становится хуже, он совершенно сошел с ума, но смирен и тих, только все рвется со двора.

Вот, доброй, милой друг мой, новость, нет, правда, это не новость, а давно предвиденное последствие его болезни. Ты не можешь себе представить, друг мой, дорогой друг мой, как тяжело, как томительно все это знать и видеть. Теперь, однако, Марья Нико[лаевна] спокойнее в совести, думая, что она не так виновна в этом союзе своей дочери, что все его непочтительные выходки против Марьи Ник[олаевны] были следствие до основания пораженного параличом человека. Оно, может быть, и так в этом отношении, но быть мужем Нелиньки он никогда не был достоин, в этом она горько виновна. Как мне жаль их. Бедной Сергей Григорьевич² в отчаянии за дочь: Он опасается за нее всего, боится, чтобы не довершилось бешенством.

От семейства таит свои опасения, свои слезы; со мною он делит их, рыдания этого старика раздражают душу, по крайней мере облегчают его. Долго ли все это продлится? Нелинька часто плачет, но довольно спокойна и очень занимается больным; ее с Сережей³ М[ария] Н[иколаевна] перевела в свою комнату наверх, чтоб ночевать там, а сама поместилась в той, которую я занимала; спальня Нелиньки, в которой жил с нею и сын ее, оставлена, как будто она живет в ней, из опасения, чтобы он когда днем не велел себя провести туда и чтоб пустота комнаты не поразила его, все совершенно осталось там на тех же местах; без сомнения, это делается не только для него, сколько для спокойствия всего семейства и, главное, Нелиньки и ребенка. Ночью он может кричать или требовать, чтоб его вели по комнатам и на крыльцо, по ночам он совсем не спит, мало очень ест, все шепчет и молит бога, чтоб указал, где найти клад, вот мысль, ночью рвется на двор искать клада. Как отразились его свойства в сумасшествии, жадность к богатству. Но, доброй друг мой, пусть все, что тебе рассказываю, остается между нами, хотя это не тайна, но пусть узнают от других, а не от меня, родные этого семейства. Как бы хорошо было, если б он скорее умер, а то беда, если долго затянется, но, конечно, во всем воля божия. — Я получила от Белоусовича от 27 фев[аля] письмо 13 марта, где он пишет, что деньги я получу со следующей почтой непременно, а с тех пор сколько прошло почт уже, а денег все нет как нет. Я ездила к обер-полицмейстеру спрашивать, не получены ли они, но мне сказали, что его теперь нельзя видеть, да я и сама не искала этого, советовали узнать в канцелярии, провели меня по грязному-прегрязному двору, и там, в этой канцелярии, тоже не добились толку: то надо было узнать от казначея, то у его помощника, никто не поглядел в бумагах; когда я просила об этом, отвечали, что и так бы пояснили! Не знаю, как быть, только уже в другой раз не переступлю порога этого ада. Не смею вас просить, боюсь, не затруднило бы вас это, но мне нужно было немного денег, я должна Евгению Якушкину десять целковых, и за квартиру надо отдать накануне пасхи. Право, мне так трудно говорить об этом, что и выразить не умею, если это возможно, вышлите немного к Евгению Якушкину для передачи мне, но не сердитесь на меня за мою докучливость и не пишите сами ничего, пока совершенно не поправится и не укрепится.

Вы знаете, как дорого ваше здоровье для друзей ваших и для меня ваше здоровье и ваше спокойствие. Получили ль вы мое письмо

от 27 февраля? Оно было отдано Сергею Григорьевичу для пересылки на почту, от него всякой день ходит человек на почту. Я писала по совету твоему князю Долгорукову³ о переводе выдачи мне пенсии из московского казначейства, вместе с тем писала по желанию твоему и к тебе, мой доброй, милой друг. Перевод этот будет удобен на следующий год, а за 856 год не знаю, где гуляют деньги и когда получу.

Николай Васильевич Басаргин в Нижнем давно уже, не знаю, когда сюда прибудет. Его ждали, но если б приехал, уже был бы у Сергея Григорьевича. К нему хотел писать Иван Дмитриевич⁴, чтоб он не торопился ехать в Москву; по этим требованиям выезда из Москвы и даже из губерний Московской Матвеев Иванович, Свистунова и Иван Дмитриевич, но куда же бедному Ивану Дмитриевичу ехать? У него, кроме двух сыновей, никого и нигде нет. Мне его, бедного, очень жаль. — Пишут мне из Ялуторовска Белоусовичи, жена и муж, говорят, что у них грустно в городе, что мы были цветы, красившие Ялуторовск. Это несколько по-восточному, но все же доброй привет. Я была счастлива в Ялуторовске, была бы счастлива и здесь близостию к добрым Волконским, их дружбою, счастлива мыслию, что могу и тебя увидеть, мой ненаглядной друг, мое все, что дорого сердцу, но этот бедной и, правду сказать, отталкивающий от себя Молчанов все отравляет. Он, когда и здоровой был, присутствие его было чем-то очень тяжелым, хотя я против него, по совести сказать, никогда ничего не имела и не имею. У Евгения Иванова много твоих портретов, фотографии, я непременно хочу иметь один. Работы Вонсовича⁵ предо мною, глядя на него, говорю с тобою. Слышишь ли ты когда голос души моей? Слышишь ли ты, когда я молюсь за тебя, мой доброй, мой единственной, милой друг.

Сейчас возвратилась от Марьи Николаевны. Обедала там, жалок бедной Молчанов. Он в крайней мере сумасшествия, и, конечно, у него боль в голове, он беспрерывно мотает ею, делая сильные ею движения. Сережу удалили из дому, чтоб не испугать ребенка. Недалеко от их живет семейство князя Репнина, брата Сергея Григорьевича, только через два дома. Старая княгиня упростила Нелиньку, чтоб поместить к ней с няней для случая, если отец вдруг пожелает его видеть, чтоб скоро можно было принести его. Молчанов эту ночь провел в сильном волнении и очень был беспокоен, все семейство не спит ночи. Молитесь, доброй друг мой, да помилует господь их и его, бедного, успокоив его в вечном покое. Александр Николаевич Раевский очень просил Нелиньку перевести Сережу к нему, но это очень далеко от квартиры Волконских. — Не знаю, что бы сказать тебе, что бы было приятно тебе знать. С княжной Репниной Варварой Николаевной мы полюбили друг друга, она умна и добра, и часы, проводимые с ней, самые отрадны для меня теперь. Марья Николаевна в большом беспокойстве, кажется, не имеет время отдохнуть с ее слабой натурой. Это великой труд. Крепко обнимаю тебя мысленно, крепко жму руку твою, друг мой, всегда тебе преданная А.

Получено ли мое письмо от 4-го марта? Как бы мне это узнать? Но не пишите сами, вам еще это вредно, сохрани бог.

¹ Под датой помета Пущина: «Получено» 28 марта».

² Сережа — Молчанов, сын Нелиньки.

³ Князь Долгоруков — шеф жандармов.

⁴ Иван Дмитриевич — Якушкин.

⁵ Вонсович — художник, писавший портрет Пущина

9-го апреля [1857 г. Москва]

Христос воскрес! доброй, дорогой друг мой Иван Иванович, письмо ваше получила я в первой день пасхи, как оно обрадовало меня, говорить не буду. Вы знаете, как тревожила меня ваша болезнь и мучила неизвестность, то поймете, что драгоценный листок этот сделал мне праздник истинно торжественным. Благодарю бога из глубины души за сохранение вас, благодарю, в полном сознании величайшей его благодати, благодарю тебя, бесценной друг мой, за радость, которую принесло мне письмо твое.

Сто целковых привез мне Евгений² 5 числа по утра, а чрез час прислали мне из полиции уведомление о получении из Ялуторовска 113 руб[лей] серебром. Если б они были высланы в свое время, я не беспокоила бы вас. Теперь я не знаю, где же те 71 целковых, которые из кабинета мне высылались? Они всегда были высылаемы и доставляемы мне в первой половине февраля, а те, что выдавались из казначейства, я получала во второй половине марта. Нельзя ли чрез кого-нибудь узнать, высланы ли они и куда? Мне бы не хотелось потерять их, если можно, справьтесь.

Вы спрашиваете, где Матвей?³ Он ездил в Тверь нанять квартиру, потом возвратился в Москву купить мебель и, как говорит он: лошки, плошки, а теперь, то-есть в эти часы, между Москвою и Тверью, потому что выехал сегодня на место своего водворения. Семейство его выедут в начале следующей недели. Вы также спрашиваете, кто говорил ему, что вы гуляете по Невскому. Отвечаю вам: все, кто только приедет из Петербурга, уже натурально, что первой вопрос о вас, а знают ли те, которые так положительно отвечают нам, мы уже не знаем, с нас не взыскивайте, скажу вам, кого помню: Сутгоф, которому говорил его племянник, Лорер, который сам вас видел, да и много раз я это слышала, только, сказать по совести, не всему, то-есть не всем, верила, думая, если вы в таком уже состоянии здоровья, то, конечно, успокоили бы и здесь нас.

Благодарю вас за доброе известие о распоряжении князя Долгорукова⁴. Я уверена, что вы участвовали в этом деле, я очень вам обязана. Плачевная драма медленно подвигается к развязке, беда, если долго затянется, но богу все возможно. Теперь одна из сердобольных сестер, бывшая во время войны в⁵ Севастополе, взята к больному и руководствует прислугой, которая приставлена к нему, а теперь Нелинька спит ночью, а то нельзя было оставить слуг одних при нем. Они, бедные, по привычке исполнять волю барина, уступали ему, опасаясь взыскания, а Сергею Григорьевичу Нелинька не доверяла, боясь суровости с его стороны, и становилась посредницею между безумием и рассудком. Она очень истомилась в это время, пока дали им совет опытные в этих случаях люди, теперь она отдыхает, дай ей бог, помощи сохранить до конца эту твердость души, она необходима ей для поднятия креста ее и для спокойствия родных. Ей господь поможет, он избрал ее для этого испытания.

Очень рада, что вести из Нижнего добрые всегда. Я редко имею сношение с нижегородскими знакомыми, хотя там три семейства очень мне по сердцу: все семейство Буринских и милая, симпатичная жена председателя Григорьева, Махотаны добрые люди, да так себе, с этими семьями веду переписку не часто, как бы желала, очень расхотно с почтой.

Не знаю, отчего могли бы вы подумать, что я, зная, что вы так

трудно больны и потому не можете отвечать мне, перестала бы писать вам? Я очень рада, очень счастлива, что вы довольны моей аккуратностью, мне даже казалось, что можно и должно было мне чаще писать вам, но мне не хотелось, чтоб мои листки были в других руках, кроме твоих. Мой доброй, мой почтенной, мой дорогой друг, благодаря господу богу, возвратившего тебя нам. Очень благодарю за позволение получить вашу фотографию. Я всякой день люблюсь ею у Сергея Григорьевича в комнате. — Как бы вам передать мою мысль? Вероятно, сам⁶ не знает о тех проделках, которые так болезненно волнуют вас, как вы говорите в последнем листке вашем, нет ли средств, чтоб сам узнал о них? Подумайте об этом.

Крепко, крепко и от всей души, до гроба вам преданной, обнимаю вас, мой бесценной друг.

Сейчас получила от А. И. Давыдовой⁷ письмо, ее человек приехал за каким-то делом. Письмо от 14 марта; она говорит, что все здоровы у них. Она очень поздравляет меня, что я не поехала в Киев, что М[ария] К[азимировна]⁸ не могла до сих пор решиться, где жить, но жить в Киеве никогда не была намерена. Зачем же она меня туда приглашала, даром мне не хотелось и трудно было отвечать соглашаем. — Еще раз крепко обнимаю вас.

Пожалуйста, не взъщайте, что много недописок и ошибок, меня беспрестанно отрывали приезжающие с визитом.

¹ Под датой помета Пущина: «Пол[учено] 13 апреля». Сверху письма надпись карандашом: «Серно-Соловьевича».

² Евгений — Якушкин.

³ Матвей — Муравьев-Апостол.

⁴ Князь Долгоруков — шеф жандармов.

⁵ Первоначально вместо «в» было написано «под» и осталось незачеркнутым.

⁶ Сам — вероятно, говорится о царе.

⁷ А. И. Давыдова — вдова декабриста.

⁸ Мария Казимировна — Юшневская.

25

Апреля 21-го [1857 г.] Москва¹

Давно, давно надо было писать к вам, доброй, всегда дорогой друг мой Иван Иванович, но я все больна, две недели пролежала в постели, сильное биение сердца разрывало грудь мою, останавливало дыхание, теперь несколько лучше, но силы до такой степени упали, что едва держу перо. Благодарю вас, доброй друг мой, за то участие, которое вы приняли в переводе моей пенсии в Москву. Мне уже сообщено о этом переводе, но, как я сказала, не могла по болезни известить вас о успехе моей просьбы по совету вашему. Сейчас были у меня Марья Конст[антиновна] с Гутенькой прощаться². В два часа садятся на машину в сопровождении Ми[хаила] Бибикова³ и едут в Тверь, дай им бог счастливого пути и счастливой жизни. М[атвей] И[ванович]⁴ уже там две недели, прибирал и устраивал свою квартиру.

Что с тобой, мой милой, мой доброй друг? Здесь, кажется, никто не знает о тебе или нет приезжих из Петербурга, но мне говорила Марья Николаевна, что Орлов Николай⁵ приехал, видно, нет только писем или словесных известий. Евгений⁶ говорит, что фотография ваша, которую вы позволили взять мне, отослана к вам. Это несчастье, но надо и этому покориться, пока вы сами распорядитесь этим, только дай бог, чтоб был здоров, то известишь о себе. Волконские

собираются на дачу, кажется, уже нанята дача. Печальная драма идет своим чередом, когда господь положит ей конец? Знаю, какое действие производит о ней рассказ, не буду и говорить, не буду и потому, что больше двух недель не выходила из своей комнаты, доктор мой, которой у них домашним, желает от всего сердца смерти больному, но, видно, общее это желание еще не своевременно.

Вот после третьего отдохновения снова берусь за перо, продолжая с тобою беседу, мой милой, ненаглядной друг. Пашпорта не могу дожидаться, это меня тревожит, боюсь, не было бы каких неприятностей, а жизнь и без них безотрадная. Мне советует Сергей Григорьевич написать об этом Якову Дмитриевичу⁷ и просить его. Как вы это находите? Скажите, пожалуйста, я так поступлю, как скажете. Не напишите ли вы ему, чтоб он вошел в это? Вы знаете, я три раза писала из Ялуторовска к Арцымовичу⁸, писала в губер[нское] прав[ление] просьбу из Ялуторовска, наконец, писала к Арцымовичу отсюда, что ж это такое? Пожалуйста, напишите к Казимирскому, расскажите ему, как меня это затрудняет, и попросите его содействия. Я писала ему 21 января, благодарил его за то участие, которым он ежегодное казенное пособие обратил мне в пенсию, а теперь не знаю, где он.

Кстати о пенсии. Я писала вам в прошедшем письме, что кабинетных денег за прошлый 856 год я еще не получала. Нет ли у вас okazji узнать чрез кого, посланы они или нет. Если посланы: куда и когда?

Я докупаю моими вопросами и поручениями? Но ты добр и снисходителен ко всем, за что ж меня осудишь, отзовись, мое бо[жество], отзовись двумя-тремя строчками, неизвестность о тебе жжет мою душу.

Не сердись на меня, пожалуйста, не сердись. Ты знаешь, как дорого мне все, до тебя касающееся. Поручаю тебя благости божией и хранению его. Всей душой преданная тебе А. Е.

Давно не слыхала ничего об Нине и Ване⁹. Как они поживают? Дай им бог всего лучшего и доброго в свойствах и нравах. Он не презрит мою бескорыстную молитву.

Крепко, крепко обнимаю тебя, друг мой доброй, бесценной.

¹ Под датой помета Пущина: «Пол[учено] 24 апреля».

² Марья Константиновна — Муравьева-Апостол, жена декабриста. Гутенька — ее воспитанница Августа Павловна Созонович.

³ Михаил Бибиков — племянник М. И. Муравьева-Апостола.

⁴ Матвей Иванович — Муравьев-Апостол.

⁵ Орлов Николай — сын декабриста М. Ф. Орлова.

⁶ Евгений — Якушкин.

⁷ Яков Дмитриевич — Казимирский.

⁸ Арцымович — тобольский губернатор.

⁹ Нина и Ваня — дети Пущина.

26

1857, мая 4-е [Москва]

Крепко, крепко жму руку вашу, доброй, почтенной друг мой Иван Иванович; вы, конечно, не сомневаетесь, что первая моя молитва по пробуждении сегодня была за вас; оно всегда так было, так и останется; желаний мои также вам известны, они тоже все одни: чтоб вы были здоровы и счастливы².

Письмо ваше от 19 апреля я получила 29 того ж (уж, конечно, того ж месяца). Не слыхав ничего о вас долго, меня это тревожило, притом же была три недели больна. Кроме Серг[ея] Гри[горьевича] и

милой моей Нелиньки не видала никого, да Бибиковых, но они тоже не знали о вас; Марья Ник[олаевна] была у меня один раз, она, бедная, все нездорова, погода и здесь дурная, и дождь и холод. Они наняли дачу и перевозятся, не знаю, сами скоро ли переселятся; я остаюсь на время, ищу квартиры в том месте, где их дом, чтобы жить ближе; да и кроме того эта моя квартира до того неудобна, что и слов нет, сырая, холодная, я больна от нее, можно бы было остаться лето, но боюсь, что по возвращении их с дачи осенью опять доведется броситься на какую попало. Теперь я устроюсь с божию помощью и напишу вам адрес. Теперь пока, если будете писать, пишите сюда. — Поручение ваше позвать руку голубушке Нелиньке исполнила со всею любовью; она не спросила за кого, но, кажется, догадалась. Она вас очень любит. Грустная, страшная драма идет, и когда конец, ведает только тот, которой испытывает испытания тяжки. Теперь брат больного здесь, но он его не пускает к себе. Тяжело видеть всех их, да умиосердится господь над ними и дарует отрадную свободу.

Очень поздравляю Ваню с первым его причащением, благослови их обеих господь всею своею благодатию.

Понимаю ваше нетерпение, ожидая ясной погоды, весна точно до того дурна и здесь в славимой Москве, что охотно можно отдать за сибирскую осень. Скажу вам правду, очень мне не нравится в Москве, одно, что приковало меня к ней, это надежда иногда видеть вас, доброй, дорогой друг мой, и присутствие доброго семейства Волконских близость Муравьевых и Оболенских.

Вчера была я у Нонушки³ целый день. Она сама приехала за мною, не глядя на проливной дож[дь]. Там, как всегда, я вижу все семейство Бибиковых — отца⁴, сестер и братьев. — Когда я отыщу квартиру и устроюсь на ней, я все останусь в Москве до тех пор, пока вы не проедете в Нижний, освежившись свиданием с вами, доброй друг мой, я поеду на дачу, до того у меня неостанет ни душевных, ни телесных сил; доброй, доброй друг мой, все мои желанья, все горячие молитвы за ваше здоровье, за ваше счастье и спокойствие.

Всегда, всегда неизменно вам преданная. Обнимаю вас крепко и горячо. До свидания, доброй друг мой. — Адрес всем мой вышло.

Храни вас милость божия.

А.

Вечеслав⁵ приехал, но я его еще не видала.

Не вздыхайте за дикую бестолковость этого листка, тут голова молчала, только сердце рвалось, но вы знаете, как оно у меня бестолково, оно только предано до гроба.

¹ Под датой помета Пущина: «Пол[учено] 6 мая».

² 4 мая — день рождения Пущина.

³ Нонушка — С. Н. Бибикова, рожденная Муравьева.

⁴ Отец — Илларион Михайлович Бибиков, женатый на Екатерине Ивановне Муравьевой-Апостол.

⁵ Вечеслав — Якушкин.

Сейчас возвратилась из церкви, помолясь за вас, доброй друг мой Иван Иванович, отвечаю на письмо ваше от 7 мая. Держась ващего порядка, отвечаю; о портрете вашем я больше и не говорила Евгению², когда он мне сказал, что отослал его к вам. Я была уверена,

что вы сами дадите его мне. Крепко жму руку вашу, благодаря вас за обещание, вы сами дадите, и потому он будет еще драгоценнее мне. — О пачпорте я уже писала к Я[кову] Д[митриевичу]³ 2 мая, по совету Сергея Гри[горьевича] в Омск, что ж делать, письмо пождет его возвращения. Не знаю теперь, хорошо ли будет писать к Жилину?⁴ Я не знала его отношения к Арцымовичу, и мне А[лександр] Л[ьвович] до вашей о нем речи не приходил на память; благодарю, что напомнили. — Из Кабинета еще не высланы деньги, 8-го числа доброй А. Ф. Сутгоф⁵ предложил мне поручить ему принять эти деньги из казначейства, я написала ему доверенность, или, лучше, просьбу в казначейство, это были хлопоты, надо было квартальному свидетельствовать мою подпись, надо было в части прикладывать печать; в казначействе сказали Сутгофу, что высланы 114 целковых, которые по прошествии этого 857 года будут мне выданы, а за 856 год 71 рубль с копейками нет из Кабинета; будьте любезны как всегда, узнайте обстоятельно, будут ли их отпускать мне, надо будет так и располагать свои расходы.

Я думаю, что в ваши именины⁶ мы, т. е. вы и я, молились в одни часы, я была в церкви и горячо молилась за дорогого, любезного именинника, прося отца небесного благословить вас всею его благодатию и благословить во всем; благодарю его за сохранение вашей бесценной жизни, доброй друг мой, да внемлет он молитве моей.

До сих пор и я не могу хорошенько поправиться силами, руки дрожат, как не знаю что. — С какою любовью пишет о вас доброй Батенков к С[ергею] Г[ригорьевичу] и Нелиньке, как и он счастлив, уверяюсь, что вы точно выздоравливаете; вот надежной товарищ, неизменной друг. — У Волконс[ких] все вывезено на дачу, а у меня еще квартиры пока не находится там, где мне нужно, и такой, какая мне нужна, живу пока у п о п а, но, слава богу, хоть женщина, которую мне доставили Мамонтовы⁷, довольно порядочная, не пьяная и может кое-что сделать для меня, не совсем пень. Квартиру тоже Мамонтов старается мне отыскать, у него очень милое семейство, дети, у меньшей дочери гуверна[н]тка очень милая, умная особа; близ их можно хорошенькую квартиру найти и дешевле, но далеко от Марьи Николаевны, а мне хочется близ их жить, чтоб во всякое время и во всяком случае можно быть у них. Когда устроюсь на новой квартире, буду ездить к ним на дачу на несколько дней. Жить там нельзя мне, нельзя надолго оставлять все на чужие руки. Будьте здоровы, доброй, дорогой друг мой Иван Иванович, крепко обнимаю вас. Благодарю за доброе участие в моих неприятностях с квартирой и прислужой. Я и всегда знала, всегда верю вашему дружескому участию; и эта уверенность дает мне много душевной силы, вера в вашу дружбу мне все, все счастье мое земное. Еще обнимаю вас от всей души

Неизменной друг ваш А. Е.

О пачпорте похлопочите, о деньгах, что узнаете, напишите, да скажите, можно ли писать к Жилину, когда уж писала Казимирскому. Как вы думаете, ловко ли это? Скажите. — О страшной драме не буду говорить, до свидания.

¹ Под датой помета Пущина: «Пол[учено] 15 мая».

² Евгений — Якушкин.

³ Яков Дмитриевич — Казимирский.

⁴ Жилин — Александр Львович, тобольский чиновник.

⁵ Сутгофа, декабриста, звали Александром Николаевичем; может быть, Ентальцова описалась, назвав его А. Ф.

⁶ Именины Пушина — 8 мая.

⁷ Мамонтовы — вероятно, семья И. Ф. Мамонтова.

28

18-е июля [1857 г. Москва]¹

Все друзья ваши очень желают знать о вас, доброй и почтенной Иван Иванович; я также не меньше их желаю того, но так как у меня больше свободного время, то и, не дожидая известий из Марьиного, уступаю искреннему этому желанию и пишу вам, желая вам совершенного здоровья; как вы доехали, здорова ли добрая, милая Наталья Дмитриевна? Хороша ли у вас погода, чтоб пользоваться наружным воздухом? У нас во все это время не было дня без проливного как из ведра дождя, тепла тоже не было, сейчас проглянуло солнце, осушило камни на мостовой и тротуарах, а грязь выше колош.

Я знаю, что вам трудно писать, т. е. трудно успевать писать, но вы, без сомнения, верите, что очень бы я желала знать о состоянии вашего здоровья, не пишите сами, поручите кому-нибудь накидать несколько в а ш и х слов о вас. — Добрую и почтенную Наталью Дмитриевну сердечно обнимаю, желаю ей доброго здоровья; какие у вас вести из Нижнего? Я оттуда давно ничего не знаю; ко мне писала усердно и часто Марья Карловна, у з е н ь к а я де-Фонван, но теперь у ней должность больше ответственная, то время мало остается на бесцветную переписку, а чрез М[арью] К[арловну] я всегда знала о детях, т. е. об милой Ниночке и Вани², также и о Марьи Але[ксандровне]³, а теперь с месяц уже от нее нет писем, от других моих знакомых из Нижнего недавно получила вести, но они ничего не говорят о институтских обитателях, видно, там все благополучно и хранимо богом, слава ему.

Здесь были две свадьбы, Орлова с Кривцовой и сестры Бибикова с ее суженым Карабыным⁴; первая была в домашней церкви кня[гини] Репниной, я видела их венчанье. Они вчера уехали в Питер; старая к[нягиня] Реп[нина], бабушка новобрачной, горюет теперь, что не видит своей Ольги; я сейчас была у нее; без сомнения это вас вовсе не интересует, но мне хочется говорить с вами. На-днях была я в Сокольниках, там все по-старому, М[арья] Н[иколаевна] грустна, ей и Нелиньке непременно советуют врачи ехать за границу. Нелинька ни за что не хочет оставить мужа, а Марья Ни[колаевна] ни за что не хочет ехать без Нелиньки; бог знает, состоится ли это путешествие; недавно Сер[гей] Григ[орьевич] был очень растревожен известием об опасном состоянии здоровья сестры своей⁵, просили ему позволения быть в Пе[тер]бур[ге] на 24 часа, со сколько хотят конвойными, но оттуда отвечали, что без представления графа Закревского⁶ нельзя доложить государю, не знаю, чем кончилось это обстоятельство, но слава богу, опасность прошла, и бедной Сер[гей] Григ[орьевич] успокоился несколько, вообще он что-то все печален, да и дивится тут нечему, безрадостно его возвращение в круг родной; мне так тяжело, так больно видеть грусть этого доброго, умного старика, что и свое собственное горе делается вдвое больнее. — Обнимаю вас обеих вместе, да хранит вас бог.

Будьте любезны, известите о себе; право, неизвестность очень неприятное чувство. Крепко жму руку вашу и милой, доброй, почтенной Натальи Дмитриевны.

Всегда неизменной друг ваш

А. Ентальцова

На-днях я была у Ивана Дмитриевича⁷, видела Вечеслава, он страшно переменялся, он нечаянно вышел и не мог уже скрыться.

К Жилину я писала 29 мая, до сих пор нет ответа, странно и грубо.

¹ Под датой помета Пушина: «Пол[учено] 21 июля».

² Ниночка и Ваня — дети Пушина.

³ Марья Александровна — Дорохова.

⁴ Н. М. Орлов — сын декабриста, женился на Ольге Павловне Кривцовой, племяннице декабриста С. И. Кривцова и внучатной племяннице С. Г. Волконского. Бибикова — племянница М. И. Муравьева-Апостола, вышла замуж за Г. В. Коробьина.

⁵ Сестра С. Г. Волконского — Софья Григорьевна, вдова фельдмаршала П. М. Волконского.

⁶ Граф Закревский — московский генерал-губернатор.

⁷ Иван Дмитриевич — Якушкин; Вечеслав — его сын.

29

Июля 23-е [1857 г. Москва]¹

Доброй, почтенной Иван Иванович, я уверена, что вы будете довольны узнать, что Сергей Григ[орьевич] сегодня отправился в Пе[тер]бург. Ему по экстренной почте телеграфа прислано позволение ехать в столицу на неделю; депеша была, конечно, на имя г[енерал]-г[убернатора], и он в ту же минуту сообщил ее С[ергею] Г[ригорьевичу] при бумаге или, может быть, билете, не знаю, да это все равно, важно для него то, что поехал, увидит сестру и успокоится. Нелинька еще не возвращалась из Петербурга, ждали ее вчера, по письму ее, но вместо ее получено письмо, она пишет, что Миша² нездоров и она осталась для него еще дня на два. Марья Николаевна была здесь, провозжала мужа (он без проводников поехал, как предлагал условия, чтоб скорей разрешили, впрочем, и разрешили не скоро, государь, возвратясь, немедленно позволил). Она опять очень нездорова, опять горлом открылась кровь, бледна ужасно, ее беспокоит и здоровье сына, а время у нас убийственное, дожди непрерывные, тепла нет, сырость и тьма во всех домах.

Благодарю вас, доброй Иван Иванович, за книги, и вдвое благодарю за добрую вашу дружескую память. — Добрую, милую и почтенную Наталью Дмитриевну мысленно обнимаю и крепко жму ее ручку. Гавриле Сте[пановичу]³ очень хотелось быть у вас и провести несколько дней с вами, но говорит, надо тогда три раза быть проездом в Москве, а этого не должно, нужна подорожная, я ему советовала без подорожной, выехать на какой-нибудь телеге, и дело с концом, нельзя, говорит, нельзя, да и только, он очень огорчен этим. Иван Дм[итриевич]⁴ поедет к Але[ксею] Шереметеву в деревню на время командировки Евгения, жена которого и дети уже отправлены туда, а портрета вашего Ев[гений] Ив[анович] все еще не имеет, хотя уже полгода, как обещал его мне и имел, да не оставил для меня, а тот, который вы просили его отдать мне, кому-то тоже отдан.

Марья Ни[колаевна] рассказывала мне о Молчанове, он теперь так как человек упал, что больше похож на животное, чем на человека, даже если говорить о наружном его состоянии; грустно, ужасно думать о них, а между тем не могу не думать, бедная, бедная Нелинька, за что такое тяжелое, такое отвратительное испытание? Прости меня, боже, за эту дерзостную мысль! Но, право, это не вызов судьбы к ответу, это горькое чувство сердца, вырвавшееся в безрассудном слове,

я и вас волную, огорчаю этим рассказом, простите меня, доброй друг мой.

В тот же день, как отослала мое первое письмо к вам в Бронницы, получила из Нижнего, там, слава богу, все благополучно, Ваня⁵ был немного нездоров, но тогда уже все прошло. Там теперь ярмонка, я думаю, такая идет кутерьма, что дым коромыслом, по пословице.

Еще раз благодарю вас и крепко, крепко жму вам и милой, доброй Наталье Дмитриевны руки, от всего сердца молю вам обоим доброго здоровья.

Прощайте до следующего листка, скажите, каково вам теперь, не лучше ли у вас погода? Неизменно преданной друг ваш А. Ентальцова

¹ Под датой помета Пущина: «Пол[учено] 28 июля».

² Миша — сын Волконских.

³ Гаврила Степанович — Батеньков.

⁴ Иван Дмитриевич — Якушкин.

⁵ Ваня — сын Пущина.

30

30-е июля. Вторник [1857 г. Москва]¹

Вчера вечером получила я ваш листок от 24 и 28 этого месяца, почтенной, доброй Иван Иванович, и спешу исполнить ваше желание, очень счастлива, что могу служить вам; этот рецепт у меня от Николая Николаевича Раевского, отца Марьи Николаевны; он дал мне его при отъезде моем в Сибирь; там покойный Андрей Васильевич² многим помогал; я не смела вам его предложить, хотя непрестанно думала об этом, боясь на одну минуту повредить вам: можете представить себе, как я обрадовалась, узнав ваше намерение испробовать это средство; повторяю: счастлива совершенно, что могу служить вам, доброй Иван Иванович и милая, добрая Наталья Дмитриевна; даруй, господи, желаемой пользы; я не могла бы ехать сегодня в Сокольники по причине непрерывного дождя, я говорила Марье Николаевне когда-то об этом данным мне отцом ее рецепте, она спрашивала, зачем не посоветую я вам его? Я призналась, что боюсь ваших насмешек и еще больше боюсь вашего неудовольствия; но должна вам сказать, что опасение повредить вам на одну минуту заставило меня молчать так упорно, а вы знаете, и, конечно, помните, как я часто советовала вам некоторые медицинские домашние средства, конечно, помните, как вы сердились, а если забыли, то прошу непременно вспомнить во оправдание мне моего себялюбивого молчания; но, оставя все шутки, увидав вас в Москве и в том положении, каковы вы были, нельзя было достаточно быть осторожной. — Сегодня была я поутру у Катерины Федоровны Пущиной. Она почти моя соседка; вчера видела я двух госпож, очень ее коротких знакомых Богдановых, двух сестер, одна из них, старшая, с медалью севастопольскую на георгиевской ленте, очень интересная особа, скромная, умная, рассказ ее как действующего лица чрезвычайно занимателен, прост, безо всяких выходов; вчера я была у моей знакомой Мамонтовой сестры, она была именинница, приехала сама за мною, и вот у ней я видела этих дам уже не в первый раз, они сказали мне, что Катерина Федор[овна] очень обрадовалась, узнав, что я в Москве; чему она обрадовалась, не знаю, но я за то почла себя обязанною навещать ее, я была вознаграждена, она, услышав о мне, скоро вышла

ко мне навстречу и, видимо, была рада мне, звала часто навещать ее. Нелинька возвратилась вчера, она не очень здорова, Миша усатый. Остался в Петербурге, Сер[гея] Григ[орьевича] еще нет, не знаю, когда возвратится.

Добрую, милую, почтенную Наталью Дмитриевну обнимаю сердечно, вам крепко жму руку, желаю, чтоб вы оба были здоровы, обеих вас обнимаю. Всегда неизменной друг ваш

А. Ентальцова

Душевно благодарна вам, почтенной и добрейшей Гавриил Степанович³, за ваши дружеские строки; очень рада, что вы победили невозможность или не сочли за труд быть три раза (т. е. проезжать через) в Москве. Желаю, чтобы вам всегда было так отрадно жить, как там, где теперь вы находитесь. Очень вас приветствую и мысленно обнимаю вас с добрыми и дорогими хозяевами вашими. Остаюсь вам и им преданным другом

А. Ентальцова

Скажите, Иван Иванович, где Яков Дмитриевич?⁴ Не можете ли вы когда написать ему, спросить, получил ли он мое письмо от 2 мая, и сказать ему, как уже и что, вы лучше моего знаете.

¹ Под датой помета Пущина: «Пол[учено] 4 августа».

² Андрей Васильевич — Ентальцов, муж Александры Васильевны.

³ Гавриил Степанович — Батеньков. Он гостил у Пущина в Марьино, поэтому Ентальцова в письме к Пущину сделала приписку к Батенькову.

⁴ Яков Дмитриевич — Казимирский.

31

9-е августа [1857 г. Москва]¹

Ради бога, доброй, почтенной Иван Иванович, скажите что-нибудь о себе, что сделали эти ванны? Боюсь, опасения мои касательно этих ванн не были ли предчувствием, не повредили ли они вам? Меня это ужасно как тревожит, скажите, что с вами? — Ваня, верно, уже у вас, дай бог вам хорошо его поместить; говорят, что у Циммермана² очень хорошо; это мне говорила и княжна Репнина, я говорила с ней, так как-то кстати был об заведении разговор, и я у ней спросила о его пенсионе, а Ване надо попасть в хорошие руки, чтобы после такого балованья разом не попал в строгость, то может очень испортить ребенка, благослови его господь во всем добром; все наши сибиряты мне дороги; что Ниночка, как ее ученье? Скажите о ней мне.

Прошу вас передать мой сердечной привет почтенной, доброй Наталье Дмитриевне, я желала бы знать о ее здоровье; а вы должны скоро известить меня о последствии вашего купанья в конопляном семе[ни] — Марья Николаевна сейчас сидела у меня, она поручила вам поклон; Нелинька с Сергеем Григорьевичем [евичем] и Сережей вчера уехала в Кострому, к свекрови, ей хотелось видеть внука, и она сама не поехала навещать несчастного сына и видеть Сережу, а написала Нелиньке упрек, что она ей не представляла своего сына; бедная Нелинька, она поехала, и ее провожает отец; при таком положении, в каком находится все семейство Нелли, я, право, не поехала бы тешить эту старую эгоистку; Нелинька в Петербурге во время болезни Софьи Григорьевны провела при больной 11-ть суток не раздеваясь и почти без сна, захворала, и когда возвратилась домой, ее узнать было нельзя, так она похудела, она больная и возвратилась домой. Когда она писала, что остается для Миши, что он болен, мне почему-то кажется, что болен не Миша, а сама она больна, оно так и было. Марья Нико[лае-]

евна] была у меня вчера с Мишей³ и Але[ксандром] Бибиковым, я угощала их прекрасным лимонадом из очищенной воды (не утерпела, купила машинку), не очищенной воды нельзя употребить ни на что; лимоны привезены прекрасные; а сегодня угощала я ее славными вишнями. Ездили с ней в башмачной магазин, она покупала себе ботинки. Вчера получила я от Марьи Казимировны⁴ письмо. Она уверена и даже говорит, что знает, что вы здоровы, только удивляется, что вы никому туда не пишете. Молчанов все в одном положении, мне же кажется — драма приближается к концу, дай-то бог!

Если Гавриил Степанович⁵ еще у вас, отдайте ему мой почтительной поклон и обнимите его за меня.

Крепко обнимаю вас и Наталью Дмитриевну. Неизменно преданной друг ваш

А. Ентальцова

Не знаете ли чего-нибудь о Басаргине? Получили ли вы мое письмо от 30 июля с конопляными ваннами?

¹ Под датой помета Пущина: «Пол[учено] 11 августа».

² Циммерман — содержатель пансиона в Москве.

³ Миша — сын Волконской.

⁴ Марья Казимировна — Юшневская.

⁵ Гавриил Степанович — Батеньков.

32

25-е августа [1857 г. Москва]¹

Надо было писать вчера, доброй, почтенной друг мой Иван Иванович, чтобы поздравление мое дошло во-время до почтенной, дорогой именинницы, но не так случилось; сильная боль в виске приковала меня на два дня к постели, и только сегодня могу пожелать доброй, любезной Наталье Дмитриевны здоровья, счастья и всего лучшего в жизни. Каково вам? Это всех нас очень заботит. Сергей Гр[игорьевич] и Нелинька еще не возвратились, они прежде должны были ехать в Нижней и, верно, провели лишнее время там, иначе пора бы им возвратиться, здоровы ли они, ведь с Нелинькой: старой да малой, и сама она не совсем была здорова; но мне сказывала, что поездка в Кострому была не одна прихоть старой Молчановой, но и дела М а н д а р и н а², ведь, если свекровь умрет, не распорядясь своим именем, Сережа останется ни с чем, дядюшки ему ничего не дадут; без сомнения, с т а р а я еще долго может прожить, но устроить дело Сережи надо при удобном случае, когда бабушка желала видеть и познакомиться со внуком. Я просила Михаила Сергеевича³, чтоб он поехал на несколько дней к вам в гости, он очень обрадовался этому и непременно придет, но только по возвращении отца и сестры, потому, сказал мне, что нельзя же оставить маминьку одну, это правда, она не привыкла расставаться со всеми в одно время.

Как я рада, что вы, наконец, свиделись с Михаил Ивановичем и достойною его супругой⁴. Теперь счастье ваше полно, даруй вам господь в такой же мере восстановление вашего здоровья. — На-днях писала я к Евгению Петровичу⁵ и Батенкову. Как-то устроится во-дворение Гав[риила] Сте[пановича]⁶ в Калуге?

Об Иване Дмит[риевиче]⁷ я потому ничего не сказала в последнем письме, что больше недели не видала его и никого не встречала, кто сказал бы мне о его состоянии. Я писала вам 9-го, а он скончался 11-го вечером в 10 часов. О кончине его получила я записку от М. Л. Бибикова 13 числа утром и поехала на панихиду. Тут узнала, что и

сыновья его не ожидали его кончины, потому что уже несколько раз он был в таком изнурении, ничего не кушал и не пил; еще в тот день в два часа дня была у него Марья Николаевна, он мало мог говорить, но был рад ее видеть, она, прощаясь с ним, хотела поцеловать его руку, он не дал, но поцеловал сам ее руку; Нонушка⁸ была у него в тот же вечер в 8-м часу, ей сказали, что он спит, а около 10-ти часов он скончался, ему стало очень тяжело, но не было силы, чтоб его вырвало. Евгений стоял склонившись над ним, когда вошел призванный Кечер⁹. — Евгений тихо сказал ему: кажется, кончается! но коснулся его рукою, а покойник уже охолодел. Оба сына очень тронуты, они не ждали этого, и покойной не причастился. — Евгений просил меня написать к вам, но после панихиды мнение это переменилось, Кечер, и не помню кто-то еще, просили меня не делать этого, чтоб вас не испугать, не огорчить вас. Когда по возвращении моем домой явился ко мне Г[авриил] С[тепанович], то взял эту комиссию на себя. На панихиде и погребении И[вана] Д[митриевича] я познакомилась с первою страстью И[вана] Д[митриевича] княг[иней] Шаховскою¹⁰. Она очень просила меня быть у ней, но я, не записав ее адреса, забыла его и теперь не знаю, когда могу у ней быть; московские улицы и названия их такая для меня задача, что беда. — Теперь прошу принять мое поздравление дорогой вашей именинницы, обнимая вас обеих и приветствуя от всего сердца, с желанием обоим здоровья, прошу известить о себе. Каково вам? Повторяю, здоровье ваше всех нас заботит. Будьте все вы хранимые милостью божьей и не забывайте меня. Преданной друг ваш

А. Ентальцова

Я писала Басаргиным в Смоленск, а надо было писать в Доргобуж, я это узнала, отослав уже письмо, говорят, не дойдет до него, от них не получала ни откуда.

Извините, если не найдете толку в этой грамоте, голова и висок болят.

С Ивана Дмитр[иевича] сняты фотографические портреты 13 числа, а 14-го хоронили.

¹ Под датой помета Пущина: «Пол[учено] 28 августа».

² Мандарином Ентальцова называет Молчанова.

³ Михаил Сергеевич — сын Волконских.

⁴ Михаил Иванович — брат Пущина.

⁵ Евгений Петрович — Оболенский.

⁶ Гавриил Степанович — Батеньков.

⁷ Иван Дмитриевич — Якушкин.

⁸ Нонушка — Софья Никитишна Бибикина.

⁹ Кечер — Н. Х. Кетчер.

¹⁰ Шаховская — Наталья Дмитриевна, вдова декабриста.

33

26-е. Понедельник [август, 1857 г. Москва]¹

Добрая и почтенная, дорогая именинница, Наталья Дмитриевна, поздравляю вас с ангелом и желаю вам доброго здоровья, желаю, чтоб здоровье Ивана Ивановича совершенно восстановилось, чтобы вы были спокойны и счастливы. Вчера я думала, что боль головы и виска помешает мне сегодня отнять голову от подушки, но сегодня погода несколько лучше, и боль уменьшилась. Я, может, скоро перемену мою квартиру и тогда освобожусь от этих мучений с головною болью.

Поручаю себя вашей доброй памяти, обнимаю вас крепко
ваша А. Ентальцова

Доброй Иван Иванович, адресуйте письма в квартиру княгини Репниной в доме Аксакова². Мне будут отдавать исправно; я еще не знаю, как называется хозяйка дому, в котором я наняла квартиру. Я давно перешла бы туда, но в ней живет вдова, воспитанница Репниных³, летом приехавшая из Одессы, она скоро перейдет к княгине, у них квартира славная, но до сих пор все комнаты вверху заняты больными, они всех своих знакомых, приезжающих лечиться в Москву, принимают к себе. Теперь, слава богу, несколько уже выздоравливающих, сверх того у них столько сирот, воспитанниц всех возможных возрастов, что я и счету им не знаю. Княгиня и дочь ее так удивительно добры; так трогательно ласковы, что нельзя не привязаться к ним, и воспитанницы их очень милые особы. Я уже вам когда-то писала, что мы с княжной как-то очень дружески сошлись, как будто век жили вместе; ее немудрено полюбить, она необыкновенно доброе и очень умное существо, но за што она меня так любила, не знаю?

Приехала из Италии Раевская, вдова Марьи Николаевниного брата Николая, она теперь на даче в Сокольниках, и дом ее рядом с домом Волконских. М[ария] Н[иколаевна] весела, я очень рада; я давно не была у ней, всякой раз доехать к ним стоит полтора целковых, в город возвращаюсь всегда с кем-нибудь, прежде с Кривцовой, а когда она вышла за Орлова и уехала, два раза возвращалась с Львовой, теперь она в деревни. — Звон торжественного дня⁴ оглушает, много шуму, нечего сказать.

Еще раз крепко жму руку вашу со всеми дружескими желаниями.

А. Ентальцова

Скажите, каково ваше здоровье.

¹ Под датой помета Пущина: «Пол[учено] 28 августа».

² Княгиня В. А. Репнина жила на Спиридоновке в доме Н. Т. Аксакова, брата писателя.

³ Вероятно, говорится о Г. И. Дунин-Борковской, друге княжны Репниной.

⁴ Торжественный день — 26 августа праздновалась годовщина коронавания Александра II.

Доброй, почтенной Иван Иванович, начинаю день мой желанием милой моей Нине благословения божия, здоровья и всего лучшего в жизни на новой год ее расцветающей жизни; крепко жму вашу руку, доброй друг мой; дай бог, чтоб все ваши надежды и желания осуществились в этой доброй девочке, милой новорожденной. Давно жду от вас весточки, что-то с вами? Тяжело как-то не знать о вас долго. Сегодня дождь проливной, церковь против окон моих чрез узенькую улицу, а попасть туда нельзя, море грязи; Москва не щеголяет чистотою улиц и нравов, не люблю Москвы, много горького легло в сердце. — 2 часа. Сейчас был у меня Миша Волконский, сообщил о переходе из Сокольников в дом Нелиньки под Новинском. Вчера приобщали Молчанова, ему очень худо; завтра, какая бы ни была погода, я непременно буду у них; Се[ргей] Гр[игорьевич] и Нелинька возвратились в прошлое воскресенье, но я еще их не видала, дача их еще дальше Сокольников, на Ширевом поле, верст 12 от моей квартиры, все же были дожди это время. Я получила от Барсугиных письмо из Алексина, имения Барышникова. Н[иколай] В[асильевич] пишет, что здоровье его держится порядочно, сомневается,

устойт ли так зимой, он говорит, что скоро будет в Москве, он оставляет Ольгу И[вановну] и Полинку в Алексине, в начале октября возвратится к проводам Барышникова за границу. Подумает, где приютиться на зиму, думаю скоро его видеть; лично узнаю, где они располагают водвориться. — 10-е вторник. Вчера попала я на соборованье Молчанова; мой хозяин и духовник, священник Лавров, в субботу приобщал его, а вчера соборовал; он рассказывал мне, что больной был в некотором состоянии сознания; если не разумел, какие таинства совершались, то очень понимал, что священнослужение, во все время крестился и горячо прикладывался к евангелию; богослужение совершалось вполголоса и в комнате возле его спальни. Вчера я с 9-ти часов утра провела у них до 10-ти вечера. Доктор не может определить, долго ли еще продолжатся его страдания, стоны его раздирают душу, я не входила к нему, но вообще очень давно его не видала, боюсь, чтоб не потревожить его. Он тих, все молчит, только как будто в бреду кличет иногда кого-нибудь из людей, ему служащих; его спрашивали, не хочет ли видеть Сережу, он отвечал, что не может теперь видеть его. Нельзя не отходить от него.

Она сама больна, какая-то нервическая зубная боль, которая мучительнее всякой болезни, притом же и день и ночь она почти не отходит от кровати больного. Они лишнее время прожили в Нижнем оттого, что все перехворали, началось с Сережиной няни, потом Се[ргей] Гр[игорьевич], он подвержен холерным припадкам, довольно частым, и, как строгого воздержания человек, скоро выздоравливает; в Нижнем хворал три дни; Нелинька своими зубами почти с горячей; Сережа рвотой; так они, добрые, дорогие мне существа, страдали в чужом доме, в котором были только двое суток, старая Молчанова ласкала Сережу, может, из приличия, а о пользах его и будущности ни слова; я говорила Сергею Гри[горьевичу], что на месте Нелиньки я бы ни за что не повезла к ней сына, он отвечал мне: что это должно было сделать, чтоб не было упреков и жалоб или причин к упрекам и жалобам; оно, может быть, и так: конечно, лучше быть пред всеми своими обязанностями правым.

11-е среда. Хотела быть у них сегодня, но дождь как из ведра льет, не прояснеет ли, тогда хоть на извозчике поеду, тяжело все это видеть, но грустно не видеть их. — В день соборования Се[ргей] Гр[игорьевич] отвел меня в особую комнату и сказал: он очень страдает, но бог с ним, он очень не чистой человек. Се[ргей] Гр[игорьевич] очень был растроган во время соборования и даже вошел к больному в спальню. Миша очень озабочен сестрою, это семейство очень дружно между собою и любят друг друга до самоотвержения, все четверо достойны глубокого сочувствия по этой взаимной любви. — Сейчас принесли мне ваше письмо и тобольские газеты, все это принес старик, которого вы посылали Катерине Федоровне²; как я обрадовалась письму вашему, доброй друг мой, я уже начинала думать, что вы тяготитесь моими письмами почему-нибудь и желали бы прекратить эту переписку, горька была мне эта мысль, но я готова была подчиниться и этому, если это нужно; благодарю вас за этот дружеский листок, благодарю из глубины сердца, дружба к вам сохранится в нем всегда, всегда. Слава богу, что вы сколько-нибудь себя лучше чувствуете, я была в большом беспокойстве за ваше здоровье. — Сейчас прислала княжна Репнина записку, говорит: у Молчанова отнялся язык, видимо, драма идет к концу, завеса опускается. 12-е четверг. Хотелось бы подробно отвечать на ваши дружеские строки, доброй Иван Иванович, но очень желаю видеть семей-

ство Волконских, хотя и снег и дождь, все разом. Теперь скажу только, что я еще все в моем погребу, живу у пола Лаврова, а Репнины тоже против той же церкви Спиридония — на Спиридоновской улице, пишите прежним адресом, не знаю, когда еще бог поможет мне переселиться, боюсь, не доведется ли искать другую квартиру, избавь, господи, от этой беды! — Благодарю вас от всей души за вашу дружескую память. Пишите, когда только можете успеть за множество ваших письменных занятий, вы знаете, что это составляет для меня? Вы знаете, что веровать в вашу дружбу верх земного счастья. Крепко жму руку вашу, крепко обнимаю вас; цалую доброго Ваню.

Всею душою вам преданная А. Ентальцова

Надо оправдать Мишу; он с радостью схватился за мою мысль, когда я спросила его о вас, мне кажется, он остерегался беспокоить вас, при нездоровье вас обеих, он весь день твердил об вас и своем удовольствии быть у вас, видеть вас, но тогда он не мог ехать, не было дома С[ергея] Г[ригорьевича], ни Нелиньки, ни Сережи, а когда они возвратились, нашли очень в худом положении Молчанова, он там помощник их теперь. Он доброй, благородной малой.

О книгах не беспокойтесь, получено все², я вам очень обязана. Я так все эти дни устала и обессилила, что едва держу перо.

¹ Под датой помета Пущина: «Пол[учено] 15 сентября».

² Катерина Федоровна — Пущина.

³ «О книгах не беспокойтесь ...очень обязана» — фразы написаны карандашом.

17 сентября [1857 г. Москва]

Вот и все кончено, доброй друг мой, почтенной Иван Иванович; завтра хоронят отстрадавшего, уплатившего на земле все земное. Он умер в воскресенье 15-го сент[ября] в 5½ часов пополудни; как долговременны, как мучительны были его страдания! — Я уже вам говорила в прошедшем листке, что Нелинька, возвратясь, нашла его очень трудно больным (она приехала 5-го). Конвульсии все усиливались, его причастили 7-го с его согласия, он молился и, кажется, понимал, к чему приступает, потому, кажется, что во время чтения исповедных и причастных правил хотя не поднимал ослабшей руки, но все крестился, рука лежала на груди, принимая с[вятые] дары, прикладываясь к сосуду и ко кресту, он был, видимо, в сознании, 9-го соборовали его, я уже говорила вам; 10-го он потерял способность говорить, все эти остальные дни ужасные были конвульсии; часов за 30-ть до конца правая рука его совершенно была рука мертвеца, холодна, тверда, лежала полусогнутая на особой подушке; когда возобновлялись приступы конвульсий, он вскакивал как совершенно здоровой, сильной человек, не опираясь даже на живую еще руку, но только с опрокинутой назад головой, по этому можете судить о его страданиях; за три дни до кончины черты лица его совершенно переменились, он так чудно похорошел, что я себе не верила, но все, кто навещали его, то же заметили и говорили; это была голова чудной, необыкновенной красоты; последние сутки он так тяжело дышал, что дыхание его было слышно в 4-й, даже в 5-й комнате, иногда дыхание совсем прекращалось, и мы думали, что уже отошел, но оно опять так же трудно возобновлялось; во все это время глаза и рот были полуоткрыты, но ничего нельзя представить себе прекраснее этого лица, благороднее и спокойнее этого выражения. Тут было пересоздание его на-

туры. Много было посетителей в этот час в двух комнатах пред его спальней, ближние свои были в его комнате, вдруг по какому-то общему сочувствию, все бывшие упали на колени, преклонились до полу и, конечно, это была молитва; скоро поднялись все на ноги, подошли к постели, кто стоял близко, он уже скончался! До сих пор он все хорош, хотя уже слышен тлен. — Часа через два по кончине доктор допустил, чтоб его одели, и когда вынесли его на стол, то выражение этого небесного блаженства уже не осталось на прекрасном лице. Оно отлетело туда, откуда было ниспослано, осталась красота земная; точно чудное превращение, как лицо отталкивавшее получило красоту и выражение, на которое нельзя довольно наглядеться? — Скажите, как это? Глаза ему закрыли сжав ресницы и наложив монеты, рот закрыли подвязав под бороду платком, так делают со всеми, теперь он освобожден от всего этого, лежит в гробу, выражение лица очень спокойное, но откуда же эта красота, всех знавших его поражающая?

Сергей Григорьевич был очень тронут всем этим; Нелинька очень тронута, но спокойна, все здоровы, все так давно знали, чем такие болезни оканчиваются, да был бы и грех желать ему жизни. Да хранит вас бог здоровыми и спокойными, всегда друг вам преданной А. Е.

Как мне грустно, как болит у меня душа; я чувствую, как я мало заслуживаю то внимание, какое мне оказывают люди самые достойные. Как мало умею благодарить бога за все милости его ко мне. Бедное мое сердце бьется как рыба в тесной воде, ему бы хотелось вырваться, высказаться, оно должно молчать, и пусть оно молчит, молчит.

¹ Под датой помета Пущина: «Пол[учено] 22 сентября».

1857 года, декабря 31-е. Москва¹

Доброй, почтенной друг мой Иван Иванович, так как листок этот будет в руках ваших завтра утром, то я уже поздравляю вас с наступившим 1858 годом; более всего и от всего сердца желаю вам восстановления здоровья вашего, всем нам, друзьям вашим, дорогого; это самая горячая молитва моя! Благодарю вас за уверенность в том, что 14-е число не прошло для меня без глубокого, сердечного воспоминания, все прошедшее оживилось в душе, все до малейшей подробности; не буду говорить, какие чувствования возбуждало всякое воспоминание, не все поддастся слову. Мне кажется, я давно не молилась так горячо, как в этот день заветных воспоминаний; благодарю вас, что и вы меня вспомнили, да в этом я и не сомневалась. — Вы так настойчиво говорите: что мне надо знать, в какие дни отходит от нас и приходит к вам почта. Позвольте и мне сказать вам со всею горькою опытностью: что не всегда то возможно, что известно. Видите ли: мне не во всякое время можно посылать мою единственную служницу, то я, написав два, три письма, и отсылаю в свободные для нее часы, хотя эти штемпелевые адресованья в разные пути, а потому и разные дни отправления почты; они доходят верно, хотя и позднее, но что делать! Я подчиняюсь обстоятельствам, а не своей воле. Да притом же, подумайте, что мне послать надо в ближайшее почтовое отделение гораздо дальше, нежели вам из своего жилища в другой город. — Очень благодарю вас за весточку о милой Аннушке², очень рада знать, что она будет занята приятно для себя и полезно для бедных, участвуя

в живых картинах; желаю ей в этом и во всем для нее полезном полного, совершенного успеха, да благославит ее бог. Доброго мальчика Ваню сердечно обнимаю.

Меня несколько не удивили хлопотливые заботы Евгения К а л у ж с к о г о, как вы называете доброго Оболенского, вспомните, когда ж проходило для него 4-е декабря иначе? ³ Только я очень любопытна знать: как он сладил с детьми, а дети с речами дорогой м а м а ш и, ведь они еще говорят невнятно. Когда вам будут известны все эти подробности, сообщите их мне. — Обняла всех Волконских, которые были налицо, по поручению вашему, они поручили передать взаимные приветствия. Нелинька 9-го числа уехала в Петербург и до сих пор еще не возвращалась, ее ждали к 25-му, но накануне получена депеша по телеграфу от нее, говорит, что не совсем здорова, но ждут ее завтра, бедной Миша тоже нездоров, теперь занят делом, по 24 часа сидит и пишет, таких суточных занятий было уже несколько раз, конечно, не сряду, но он не очень крепкого здоровья и пишет родителям, давно уже жалуясь на усиливающуюся боль в боку и частую головную боль. Вдобавок еще Сережа очень занемог, Сергей Григорьевич и Марья Николаевна не отходят от него, особенно Серг[ей] Григорьевич. Он в отчаянии и больше еще потому, что и Нелиньки нет при ребенке. — Обнимаю почтенную Наталью Дмитриевну и желаю ей доброго здоровья, поздравляю ее с новым годом, с новым счастьем, дай бог ей устроить все дела свои по желанию. Очень жалею, что не знала, когда она была в Москве.

Я встала сегодня в 5-ть часов утра, чтоб строчки эти успели передать вам мое дружеское желания в самое утро 1858 года. От всей души и крепко жму руку вашу, повторяю желание мое доброго вам здоровья, спокойствия и всего лучшего в жизни, да хранит вас милосердие божие!

Преданная вам А. Ентальцова

Неловко писать при свече.

Здесь теперь другого разговора не слышно, как только об освобождении крестьян; дамы и мужчины ведут общий разговор, многих это приятно интересует, некоторые недовольны, но не говорят того. Сергей Григорьевич счастлив выше седьмого неба; Марья Николаевна очень покойна и согласна, что давно должно было бы быть это устроено. Добрая Нелинька, так же как и Сергей Григорьевич, нетерпеливо ждала этой перемены, она взяла с собой свое (бумагу) согласие в Петербург и оттуда хотела послать в Воронеж. — Не знаю, почему, но князем Голицыным ⁴ очень недовольны и сильно его осуждают; кажется, и М. М. Нарышкиным тоже. Но это пусть останется между нами. — Следствие по делу студентов ⁵ кончено, чем-то суд решит?

Поздравьте от меня милую Ниночку с новым годом и с лестным подарком для ее лет. Я давно написала Марию Александровну ⁶, ей некогда отвечать, а мне не очень писать, но все же напишу к ней.

¹ Под датой помета Пущина: «Получено» 1 января.

² Аннушка — дочь Пущина.

³ 4 декабря — именины жены Е. П. Оболенского.

⁴ Князь Голицын — вероятно, декабрист Валерьян Михайлович.

⁵ Дело об избииении студентов в конце сентября 1857 г. в частной квартире полицией, явившейся для ареста одного из них. Оно произвело большое впечатление на общество (см. Н. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», т. XV, стр. 431—432, 449 и «Записки и дневники А. В. Никитенко»).

⁶ Мария Александровна — Дорохова.

1858 Генваря 24 [Москва] ¹

Доброй, почтенной Иван Иванович; давно хотелось побеседовать с вами и сознаться в моей ошибке; я забыла совершенно о существовании скрипача се-дура ² и думала, что вы сообщили мне о смерти Берга ³, по желанию вашему д о н е с л а в Тверь ³, потом уже напомнила мне О. И. Басаргина, сказав, что Берг к ним пишет и что они на-днях получили от него грамоту. Я тот же час хотела исправить мою ошибку, извинясь пред М[атвеем] И[вановичем] ⁴, но так как никогда не получаю на мои листки оттуда ответа, то благое мое желание успокоить его скоро простыло, я поручила этот приятный труд М. Л. Бибикову. — 21-го я была у Евгения фотографа, он был именинник, с 12-ти часов утра до 2-х пополудни пробыла я у них, там познакомилась я с Т о л е м ⁵, с жителем Твери, приятелем М[атвеем] И[вановичем] и, как обыкновенно, учителем Г у т е н ь к и ⁶. — Евгений еще не принимался за свои фотографические занятия, да, кажется, едва ли и будет заниматься, он скоро едет в Смоленск. Пробудет там, может быть, дольше двух месяцев, то я не удивлюсь, если не получу от него вашей фотографии, хотя вы и уверены, что все, что имеет начало, будет кончено, но я буду иметь ее мимо всяких препятствий. Я слышала, что Ваня ⁷ привезен в Москву, дай бог, чтоб он был бы здоров, а то время немного потеряно праздну. Благодарю вас, что сами передали мои желания милой Аннушке. Я как-то не умею разлюбить, кого люблю; о смерти Вонсовича и его осиротевшем семействе я слышала от Якова Дмит[риевича] ⁸ — 25-е. Я была уверена, что листок этот пойдет к вам сегодня рано, но вчера неожиданно посетила меня Катерина Петровна Торсон, я упростила ее остаться у меня обедать, так прошло до сумерек, я хотела продолжать говорить с вами, взяла перо, вдруг кто-то сзади схватил меня за руки, это была наша милая Нелинька, зачала меня кутать, почти насильно посадила в карету и увезла к себе, я там ночевала, не выдавшись с ними, как только с одним Сергеем Григорьевичем. Отправилась домой. Все утро были у меня гости и все из одного семейства, Бибиковы, как будто сговорились по-очередно, после всех была сестра их Ольга Ларионовна. — Когда будет этот листок в ваших руках? Не знаю. Я очень рада, что вы, наконец, стали осторожнее и больше заботливее о своем здоровье. У нас вот несколько дней установилась ровная погода, мороз в 14 и 15 град[усов], солнце и тихо; а все время была ежечасная перемена, и снег, и вихорь, и дождь, чего хочешь, того просишь, много хворают. Как грустно было мне за вас, доброй Иван Иванович, узнав о кончине брата вашего Рябинина ⁹.

Хотела продолжать, но заехала за мной Нелинька, едем обедать к А. Н. Раевскому ¹⁰ — до следующего листка.

Крепко дружески жму руку вашу. Всегда одинако преданная А. Ентальцова.

¹ Под датой помета Пущина: «Получено» 29 января.

² Вероятно, говорится о каком-то ялutorовском скрипаче. Что касается Берга, то Пущин переписывался с Генрихом Бергом, уроженцем Прибалтийских губерний, сосланным в Ялutorовск по приговору местных судебных учреждений.

³ В Твери жил М. И. Муравьев-Апостол.

⁴ Матвей Иванович — Муравьев-Апостол.

⁵ Толь (Толль) — петрашевец.

⁶ Гутенька — воспитанница Муравьева-Апостола А. П. Созонович.

⁷ Ваня — сын Пущина.

⁸ Яков Дмитриевич — Казимирский.

⁹ Говорится о кончине 31 декабря 1857 г. двоюродного брата Пущина, Александра Андреевича Рябинина.

¹⁰ А. Н. Раевский — брат М. Н. Волконской.

38

Февраля 3-е [1858 г. Москва]¹

Доброй, почтенной друг мой Иван Иванович; вечером в субботу получила я много посланий из Сибири; в одном конверте был листок к вам, прилагаю здесь его; я была намерена писать к вам сегодня, чтобы поздравить вас и милую именинницу² и пожелать вам обоим здоровья и всего лучшего; скажите ей, что я ее помню и люблю искренно. — Благодарю вас, я получила 5-ть номеров газет, добрая Наталья Дмитриевна сама привезла мне их, но, к большому моему сожалению, не застала меня дома, я была у Басаргиных, Наталья Дмитриевна от меня приехала туда же, и я очень была рада видеться с нею. От Бас[аргиных] мы вместе поехали к М. Л. Бибикову, Ваня³ гостил у него, но не видали Вани, дети уже уложены были спать, было уже около 10-ти часов вечера.

Против дома Нелиньки настроено множество балаганов⁴, последние дни масляницы народ веселился и все это пред окнами их. Разноголосая музыка, стрельба во время представления были непрерывны. одно утро мы с Нелинькой взяли Сережу с няней и человека оберегать нас, ходили по всем балаганам, устали донельзя, не видали ничего сколько-нибудь порядочного, я думаю то же, что и в Сибири, там я не любопытствовала и очень довольна, что наказана за любопытство, зато посмеялись сами над собой, накупили в шалашах конфет и пряников и принесли все это в дар прислуге. Все у Марьи Николаевны, слава богу, здоровы, все эти дни я с утра у них, и все эти дни у них полна гостиная посетителей, разговор господствующей об освобождении, всякой судит большею частью пристрастно в отношении к себе; мне уж это надоело, хотя это самое занимательное, увлекающее сочувствие и ум; но скажу вашими словами: будет и этому когда-нибудь конец, когда было начало, но эта фраза напоминает мне вашу фотографию. — Ждем Я. Д. Кази[мирского] на этой неделе, Розена⁵ тоже, он очень переменялся в пользу своей наружности, пополнел и смотрит молодцом, но он, кажется, был у вас, вы его сами видели. — Пишет мне Сашинька Бала[кшина]⁶, что Рушковская родила дочь Валерию и сначала все было благополучно, потом молоко поднялось в голову, и с ней сделалось вроде сумасшествия, привезли Новицкого, в то же время приехал возвращающийся доктор поляк и с нашим Лукою Варна[вичем]⁷ скоро успели помочь ей и теперь надеются спасти ее. Бедная она, бедная! Как глубоко мне жаль их, помоги им, господи. утешь их, помоги им, милосердый боже! Ржечневский мне пишет о рождении Валерии, но о состоянии здоровья пани Рушковской ничего не говорит, он, верно, не знал о том в Тобольске.

Крепко, крепко жму вашу руку. Благодарю за память, передача мне сибирских газет допускает эту утешительную мысль.

А. Ентальцова

¹ Под датой помета Пущина: «Пол[учено] 5 февраля».

² Именинница — дочь Пущина.

³ Ваня — сын Пущина.

⁴ Дом Е. С. Молчановой был под Новинским (теперь Новинский бульвар), где обыкновенно на маслянице происходили народные гулянья.

⁵ Розен — декабрист.

⁶ Сашинька Балакшина — дочь ялуторовского приятеля декабристов

⁷ Лука Варнавич — Дурьгин, ялуторовский лекарь.

39

Февраля 17 [1858 г. Москва]¹

Хотела отвечать вам, доброй, почтенной друг мой Иван Иванович, на листок — 20-е. Вот на чем выпало перо из пальцев, от сильного, кажется, лихорадочного ознобу. — Продолжаю пока: сердечно желала благодарить за дружеские, добрые листки ваши от 2 и 14 февраля, что благодарна вам за них, вы знаете это хорошо. — Спешу говорить с вами, не надеясь на свои силы, руки сильно дрожат от слабости: начну с начала: я пошла говеть на первой неделе, но по беспечности моего нового министра я угорела во вторник 1-й недели так сильно, что у меня больше суток было дерганье или конвульсии во всех членах; на третий день я только что могла встать с постели, говеть было уже позно, но боясь и откладывая далее, из опасения большой грязи на страстной нед[еле], я исполнила этот обряд, или лучше, эту обязанность совести, на 2-й неделе, но с величайшим трудом, потому что каменный пол церкви с[в.] Спиридония накрыт веревочными мокрыми половиками, в церкви довольно холодно, без шубы холодно, в шубе тяжело выше сил; надо было к богослужению ходить в свою приходскую церковь, у к[нягини] Репниной была в ту неделю только в среду и пятницу служба; не буду говорить вам, с каким усилием для себя выполнила я эту [обязанность] совести и убеждения сердечного, бог помог до последней минуты, но далее не стало ни сил, ни здоровья. — Сейчас был у меня Толь², надо правду сказать, он дурен до-нельзя. Когда я была у Евгения-фотографа 21 января³ (день для нас памятный по сибирским праздникам Е[вгения] Калужского⁴), Толь вошел в ту комнату, в которой сидели мы с женой имянинника, дети их были тут же, малютки бросились к матери, говоря: «мама, какой страшной», прятались за нас; но он или привык к этим приветам или не слышал их, впротчем не мог не слышать, дети говорили громко не церемонясь; но Толь умен, он тем мирит с своей дурнотою и, кажется, очень порядочной человек.

Не забудьте, вы обещали мне удовольствие познакомить меня с вашим врачом, с вашим почтенным го[сподином] Казанцовым. Постараюсь заслужить доброе его расположение неизменною дружбою к вам. — Евгений-фотограф доставил мне ваш портрет, он не удовлетворяет меня, постараюсь получить копию с того, когда вы приедете в Москву и присядете у Бернера⁵; все-таки очень благодарю вас за желание ваше исполнить мою горячую просьбу, а Евгения за исполнение моего желания. — Не знаю, но, кажется, Толь довольно умен, чтобы хорошенько подумать о суженой. Отчего вы думали, что се-дур такое замечательное лицо, что нельзя забыть его? Я уверяю вас, что я в ту же минуту забываю его, только что звуки скрипки его переставали терзать уши мои его неистовыми тушами⁶. Пожалуйста, прошу вас, передайте милой Аннушке⁷ всю нежность моего сердечного привета, я очень редко пишу к ней потому, что, писав к ней, надо прежде адресоваться к М[арии] А[лександровне]⁸ деректрисе, а так как она не отвечала мне на письма мои прошлого года, конечно, по неимению времени, и потому и думаю, не должно и затруднять ее моими любезностями. Когда буду совсем здорова, попрошу вас переслать Нине мой листок. Как сердечно обрадовал меня доброй наш Я[ков] Д[митриевич]⁹ уверением, что вы решительно стали поправляться; все-таки напоминаю вам о вашем благоразумном намерении беречься до самой благоприятной погоды.

На этот раз довольно пока, силы изменяют, острой стрелкой пробегает озноб по всему существу моему.

Еще раз от души и сердца благодарю вас за постоянную дружбу вашу, за дорогую уверенность сохранить ее мне. Крепко, крепко жму вашу руку и желаю вам всего лучшего от господа бога.

Всегда неизменно преданная вам А. Ентальцова

Вот вам мой адрес.

У церкви с[в.] Спиридония, в доме церковной просфирни.

Фамилии ее я не знаю, да она и не нужна; по этому адресу доставляются мне все письма исправно.

Скажу вам только, что моя хозяйка вдова священника, но это к делу не идет. Очень хорошая женщина.

Ваню¹⁰ не выдаю, знаю только, что здоров и не любит гостить у Якушкиных; там просят быть тихим, когда маленькие лягут спать, а он еще не знаком с этим пока, когда-нибудь привыкнет — как быть!

Не прибавляю приветов моего почтенной Наталье Дмитриевне, не знаю, дома ли она.

21 февраля.

¹ Под датой помета Пущина: «Пол[учено] 23 февраля».

² Толь (Толль) — петрашевец.

³ Евгений фотограф — Якушкин. 21 января — день его именин.

⁴ Евгений Калужский — Оболенский.

⁵ Бернер — лицо не установленное.

⁶ Се-дур — ялуторовский скрипач (см. письмо Ентальцовой от 24 января 1858 г.).

⁷ Аннушка — дочь Пущина.

⁸ Мария Александровна — Дорохова.

⁹ Яков Дмитриевич — Казимирский.

¹⁰ Ваня — сын Пущина, учившийся в это время в Москве, в пансионе Циммермана.

Марта 21 [1858 г.] Москва¹

Вчера получила я ваш листок от 3-го марта и 2 № газет иркут[утских]², доброй, почтенной Иван Иванович; благодарю вас, очень благодарю за известия о вас; как видите, листок ваш и ведомости, а с ними и Николай Степанович Казанцов очень долго ехали; Ник[олай] Сте[панович] у меня не был, но он мог бы застать меня, я эту неделю бываю только в церкви; я давно к вам не писала, доброй Иван Иванович; я говела на второй неделе в[еликого] поста; после угара, о котором писала вам, я худо себя чувствовала все время, но стала говеть, пока еще сухо на улицах этой нечистой Москвы, в церкви холодно, полы каменные, половики на них мокрые, веревочные, я еще больше простудилась, но пересилила себя и окончила говенье; но на другой день причастия я уже не могла головы поднять от подушки долго; так прошел пост, я только в вербное воскресенье, не послушав доброго Ницмана (доктор Волконских и Нелиньки), пошла в церковь, первый день очень хорошо мне было, на страстной неделе, вы знаете, служба долгая, я утомилась во второй день и теперь ни се, ни то, ни больна, ни здорова, а главное — биение сердца невыносимо. Весь пост у меня посетители, все навещают меня, добрая Нелинька бывает у меня через день; на этой недели они говеют, т.-е. Нелинька и Марья Никола[евна]. Миша Вол[конский] был здесь на третьей неделе, прогостил дней 10-ть и опять скоро будет, не знают только, на праздник ли; они отъезжают 14 апреля, места взяты и уже раз публик[свались]³; едут Марья Ни[колаевна], Нелинька, Миша и Сережа, Сергей Гри[горьевич] поедет гораздо после: надо сдать дом, кто наймет (едут надолго, года на 2). Должно распорядиться и с имением, может, он еще на ту зиму поедет, коли позволят. — К. П. Торсон

видаю, она тоже навещала меня, Бестужевы⁴, кажется, в Иркутске, но не могу сказать наверное. Розена я видела только один раз у Нонушки⁵, они прислали за мною, когда Розен первой раз проезжал здесь. Он очень спешил, я была сердечно рада видеть его; он уже проехал назад, у меня не был, я извиняю, Москва так огромна, трудно застать дома, а время не у всех много свободного. — Басаргины уехали на первой неделе поста в гор. Покровск⁶ Влади[мирской] губер[нии]. На-днях я получила от них письмо, пишет О[льга] И[вановна], что, кажется, Н[иколай] В[асильевич] не поедет в Сибирь, потому что думает купить около Покровска небольшую деревеньку с усадьбой, сад и хорошенькое место; если это состоится, то они уже не поедут в Сибирь. Вот слова письма О[льги] И[вановны]. Они предполагали ехать в Омск. Полинька по м[олвлена] за второго брата Ольги Иван[овны], за Павла Менделеева, помните, он гостил у них против вашей квартиры? Хороший молодой человек; а какой славный малый меньшей ее брат⁷, которого мать отвезла в Пе[тер]бург, он недавно у них гостил, живет в Пе[тер]бурге, учитель университета и других казенных учебных заведений, кажется, и в корпусе котором-то; если они не поедут в Сибирь, то Полинкин жених приедет сам сюда за своей суженой; Полинька хорошая девушка, очень неглупа и вообще очень пристойна.

Не знаю, почему не писал к вам Басаргин, когда, по просьбе Барышникова из-за границы, он ездил в Смоленск, то намеревался на возвратном пути проехать к вам; поручение Барышникова, кажется, относилось к освобождению, то Н[иколай] В[асильевич] скакал в Смоленск исполнить его, а почему он не исполнил желания быть у вас, тоже не знаю, я ничего не заметила недоброжелательного против вас, никогда не было речи иной о вас, как доброе воспоминание; этой тайны* я не только не проникла, даже и не подозревала; это уж их дело, как тоже вы говорите.

Человек, принесший мне листок и газеты ваши, говорил, что встретил Наталью Дмитриевну, возвращающуюся в Марьино. Прошу передать ей мое почтение и поздравить ее с наступающим светлым праздником воскресения христового, желаю вам от всего сердца доброго здоровья и спокойствия. Крепко жму руку вашу.

Всегда преданной друг ваш

А. Ентальцова

¹ Под датой помета Пущина: «Пол[учено] 23 марта».

² «Иркутские губернские ведомости» начали выходить в 1857 г.

³ Фамилии всех лиц, уезжающих за границу, опубликовывались трижды в «Московских ведомостях».

⁴ Бестужевы — декабрист Михаил Александрович с сестрами.

⁵ Нонушка — С. Н. Бибикова.

⁶ Не Покровск, а Покров.

⁷ Говорится о гениальном химике Д. И. Менделееве.

1858 г. [Март. Москва]¹

Сделайте одолжение, дайте мне адрес пана Ржечневского, я еще не отвечала ему и мне очень жаль, что я так мало исправна пред ним. Не знаю Марочевского², ни имя его, ни дома его, будьте любезны подробно сообщить мне все это. — Матвей Ивано[вич]³ здесь другая неделя, но у меня не был ни разу; не был ли у вас? Ему бы

* Как вы называете это молчание.

стыдно это делать, у М. Бибикова⁴ свои экипажи, и М[атвей] И[ванович] мог бы захватить на минуту, но впрочем, это его дело, зато доброй Алек[сандр] Бибиков⁵ во время моей болезни навещает меня всякой день, посидит часа два, расскажет что-нибудь, а иногда и промолчит большую часть, походит по комнате взад и вперед, спросит, каково мне, и поедет к Сер[гею] Григорь[евичу]. Там весь пост почти всякой вечер, т.-е. всякую ночь часов до двух, музыка и пение, собираются несколько московских первоклассных артистов и составляется великолепное пение; вы знаете, как поет Нелинька, еще есть девица Львова; певцы барон Боде, Родзянко, Иванов⁶, когда Миша в Москве — он из первых; чудные трио составляют Миша, Нелинька и Львова. У Миши голос чудно вырабатывается, делается чрезвычайно силен и трогателен; когда возвратятся из-за границы, они очень много усовершенствуют свое искусство, они в мать, непритворные любители музыки!

Это письмо придет к вам в самый праздник; приветствую вас, доброй друг мой. Христос воскрес!

Да! Сердце председательствующего видно и тут в комитете, и во многом, даруй ему господь помощь свою во всем благом!⁷

Пожалуйста, не взывайте на непрерывные неисправности этого письма, спешу, чтоб достало сил кончить его.

¹ Над письмом помета Пущина: «Пол[учено] 23 марта».

² Марочевский — правильное Морачевский.

³ Матвей Иванович — Муравьев-Апостол.

⁴ М. Бибиков — Михаил Илларионович.

⁵ Александр Бибиков — Александр Илларионович.

⁶ О московских великосветских певцах Львовой, бароне Боде, Родзянке и Иванове сведений не имеется.

⁷ Комитет — вероятно, говорится о главном комитете по крестьянскому делу, образованном распоряжениями от 8 января и 18 февраля 1858 г. взамен секретного особого комитета. Председательствующим Ентальцова, повидимому, называет самого Александра П.

7 апреля [1858 г. Москва]

Благодарю вас, доброй Иван Иванович, за полезной совет оставить дурную привычку хворать, очень охотно последую ему и тем больше, что вы с о б о ю подаете мне такой у б е д и т е л ь н о й п р и м е р. Спешу исполнить ваше желание, сказать вам, что я давно была бы здорова, если б можно было дохнуть воздухом хоть одну четверть часа, но у нас воздуха нет, дышишь чем-то тлетворным уже несколько месяцев, могу сказать, с тех пор, как я в Москве, я не дышала теплым легким воздухом. — 14 числа Марья Ни[колаевна] и Нелинька уезжают, Сережа уж, конечно, вы знаете, с ними. 1-го апреля приехал Миша, он едет с ними, но только на 6-ть месяцев, они, вероятно, останутся там надолго, как предполагали, т.-е. на два года, если не случится чего-нибудь особенного. Сергей Григорьевич будет этот год все ездить из страны в страну, поедет в Воронеж, там Нелинькино имение, надо все устроить, потом в Крым и Одессу, а зимой намерен отправиться в Иркутск: дом, может, продаст, не бросит же его. Они не так богаты.

Сам он не хочет проситься за границу, может быть, Марья Ник[олаевна] и светлейшая сестра его устроят это. Он славной старик, гордая, твердая душа, ничего не хочет просить. Грустно, тяжело мне будет одной; на беду едет за границу старик Бибиков, с ним дочь его, девица Ольга, очень милая и добрая особа. Мы как-то дозволено сбли-

зились с ней, часто очень видались; эти едут не надолго, месяцев на 6-ть или на 7-мь; остается княжна Репнина, она теперь отчаянно больна, еще очень же близкая соседка — это Анна Михайловна Раевская, вдова брата Марьи Ник[олаевны], этого славного Николая; но с ней как-то никто не может сблизиться; очень неглупая женщина; мне кажется, у ней все есть, чтоб привязать к себе, но с нею как-то ни тепло, ни холодно, верно, сердца нет; а какой у ней меньшей сын чудной мальчик 16 или 17 лет², по свойствам совершенной отец. Не знаю, останутся ли летом в городе Бибиковы — Нонушка, добрая, умная Нонушка. Якушкины живут за тридевять земель от меня; Евгения я люблю, хотя он мало про кого говорит хорошо; ну, да это уж можем и сами ценить и понимать людей; это не мешает видеть Евгения веселым и добрым человеком, Елена Густафовна³, слава богу, здорова.

Александр Раевский⁴ тоже летом не живет в городе, а у его дочери две гувернантки, очень милые, приятные дамы.

Не могу собраться написать Аннушке⁵, надо писать и Марье Александровне⁶, а ей некогда отвечать, то как-то и писать неловко; надо поправиться здоровьем, укрепиться силами души и тела, а теперь поручаю вам сказать ей, что я ее люблю, т.-е. Аннушке, желаю ей всех благ земных, всех достоинств нравственных и общей искренней приязни, пусть будет на ней благословение божие. Марье Александровне передайте мой привет, если найдете это уместным.

Бибиковы очень ко мне любезны, Александр во время моей болезни всякой день навещал меня, предлагал всякие услуги, напоминал, не надо ли послать куда, не нужно ли что; всякой вечер приезжал и сидел иногда часа по два; говорить он не большой охотник, я положила для него на стол карты, которыми практиковал он свое долготерпение. Я говорю, когда была больна: я и теперь не могу поправиться. Я задыхаюсь от комнатного воздуха, а выйти из комнаты нельзя, воздух убийственной.

Сестра его Ольга Ларионовна тоже часто меня навещала; милая, добрая моя Нелинька через день приезжала ко мне; Сергей Григорь[евич] тоже бывал у меня. — Михаил Лари[онович] Бибиков одождает меня, присылает книги, все любезны, обязательны, а здоровье не возвращается. — Ну, бог с ним, с здоровьем, может, так и надо.

Я часто слышу о К о к о р е в е. Лично знаю его, несколько раз видала у Мамонтова. Кокорев пишет проэкт; теперь предлагает купеческому сословию составить капитал в 100 миллионов сереб[ром] для всемирной торговли; многие смеются этому предложению, видя в нем пух, а некоторые подписывают; из всех его речей и глаголений, кажется, еще ничего не вышло ни худого, ни хорошего.

Да, бедные Балаксины⁷, жаль мне их, но странно, отчего они последнее время были так сухи и холодны с Финочкой? В отце я не заметила этого, но мать и вся семья как будто сердились на ее. Одна только Татьяна Яковлевна была с нею нежна и ласкова; с замужества ее она как чужая была у них в доме. Теперь она отдохнет на лоне бога отца! Справедливо говорит Басаргин, что Николай Яковлевич, любя детей, не умеет устроить их счастья; и точно, другую дочь отдает замуж так, что горе! сводит в могилу; не думайте, что я сужу его, нет! Чувства, которым полно сердце мое при мысли о них, не того рода. — Евгений Якушкин возвратился, но теперь в Петер[бурге], я его еще не видала, вчера сказал мне М. Л. Биби[ков] о его возвращении. — На пасхе получила из Калуги очень любезные письма, особенно от Гаврила Степановича⁸; Евгений Петрович⁹ сообщает

мне об ожидании умножения его семейства, я пожелала в ответе моем благополучного разрешения его супруге. Он спрашивает меня, отчего разделяемое несчастье становится легче; когда знаешь, что принимают в нем участие, и отчего радость полнее и ощутительнее также от раздела? Говорит, что если я объясню это, то решу неразрешимую задачу! Я отвечала ему: что эта задача решена уже много веков назад теми, кто видел в бедах искреннее участие друзей, верит в него, он уже вполне утешен этою, ничем незаменимою дружбою; а счастливому все кажется радостным, он все видит с хорошей стороны, для этого не нужно быть и добрым; верно, добрейшему нашему Оболенскому в Калуге нечего больше делать.

Вчера слышала я, это говорил князь Голицын, именуемый здесь Макарелем¹⁰, что приказано войскам быть готовыми, что Россия с Францией воюет против Англии и Австрии; у Макареля сын военной и вдобавок жених, а это движение помешает кончить свадьбу; можно ли давать полную веру словам Макареля, отдаю вашему суждению.

Скажите мое почтение доброй Наталье Дмитриевны, очень рада, что она выздоровела. Вы пишете, что у вас выглянуло в фомино воскресенье солнце, но худо светит, а нам, бедненьким, оно и худо-то не светит, как быть, надо ждать, может, и нас вспомнит.

Крепко, крепко жму вашу руку, мой доброй, почтенной друг.

Неизменно преданная

А. Ентальцова

Извините, миллион ошибок, спешила, пожалуйста, извините.

¹ Под датой помета Пущина: «Пол[учено] 9 апреля».

² Михаил Николаевич — Раевский.

³ Елена Густаф(в)овна — жена Е. И. Якушкина.

⁴ Александр Раевский — брат М. Н. Волконской.

⁵ Аннушка — дочь Пущина.

⁶ Мария Александровна — Дорохова.

⁷ Балакшины — ялуторовские друзья декабристов.

⁸ Гаврила Степанович — Батеньков.

⁹ Евгений Петрович — Оболенский.

¹⁰ О каком Голицыне говорится, неизвестно.

Апреля 15-е [1858 г. Москва]¹

Вчера проводила я моих добрых Волконских, и одному господу богу ведомо, увидимся ли еще в здешней жизни! Грустно, доброй друг Иван Иванович; Сергей Григорьевич занят теперь приводом в порядок всего, что осталось в доме; в мае месяце он думает ехать в Воронеж, Крым и Одессу, а там, если бог велит и дадут позволение, в ноябре или декабре поедет к своим; Марья Николаевна сказала, что она не останется за границей долго, если ему нельзя будет приехать; она просила меня передать вам дружеской ее привет, это ее собственные слова. — Миша нездоров, до отъезда два дня лежал бедной, похудел, болит грудь и ревматизм его в мокрую погоду крепко его одолевает. Я провожала их до конторы дилижансов, заезжали к Иверской, помолились за путешествующих; проводя их, я уехала домой, не спала всю ночь, руки дрожат, дождь льет, не хочется смотреть на божей свет!

16-е. Вы желали знать, доброй Иван Иванович, где находятся Бестужевы?² Они все еще в Селенгинске, т. е. дамы, а сам Бестужев где-то

в Камчатке или на Амуре, но это вы, верно, лучше меня знаете; семейство ожидает его этим летом, а останутся они еще в Сибири или возвратятся в Россию, еще не решено. — Посылала узнать о здоровье Сергея Григорьевича. Сама пошла бы, но проливной дождь и грязь не выпускают из комнаты, он приказал сказать, что здоров, очень занят, у него теперь укладывают все вещи в ящики — книги, посуду и прочие; у них столько фарфоровых китайских ваз, вазочек и всякой всячины, что, право, девать некуда, а этих безобразных идолов целая кумирня.

Добрая моя, милая Нелинька, прощаясь, благодарила меня за любовь и участие к ней, это меня и трогало и огорчало: разве можно за любовь благодарить словами, за любовь можно благодарить только любовью; она плакала, прощаясь со мною, я знаю, что она меня любит, но увижу ли я их когда!

17-е. Вот третий день берусь за перо, чтоб окончить листок, и не знаю, что сказать, а казалось так много было передать вам своих ощущений, сердце сжалось, мысли, одна другой мрачнее, роятся в больной голове моей; лучше кончу, до больше спокойного состояния духа. — Добрую Наталью Дмитриевну усердно приветствую, желаю от души обоим вам доброго здоровья. Дружески жму руку вашу.

Всегда преданная

А. Ентальцова

Нелинька очень, очень вам кланяется. Как прощание ее со мною было трогательно, Марья Николаевна прощалась очень любезно, очень дружественно, но это уже не в первый раз, оно знакомо сердцу, но прощанье Нелиньки, его я не могу забыть, слышу слова ее, вижу выражение милого лица ее; только зачем она благодарила меня за дружбу мою к ней, разве дружба с разлукой прекращается? Если так, грустно думать и не хочется верить.

18-е. Говорят, что готовят для высочайшей фамилии для летнего пребывания в Москве Петровской парк и другие дачи; тогда еще будет здесь дороже все; много говорили здесь и ожидали милостей для наших³. От вчерашнего дня до сих пор я никого не видала, потому и не знаю, верны ли были слухи или предположения. Все эти дни дождь проливной, сегодня хотя не ясно, но дождя нет, а выйти нельзя, в грязи утонуть можно, а я не умею ездить в этих калиберных дрожках, и они всегда полны грязи, а за пролетками надо посылать на биржу к Страстному монастырю, это вдвое дальше, чем мне куда доехать. Одна эта погода и грязь наводит хандру неисчерпаемую, но надо высвободиться от ее власти, я люблю над собою власть, какую люблю, а не власть этой нелепой хандры.

Извините, что я такой вздор пишу, протяните мысленно руку и дружески пожмите мою, извиняя снисходительно мое нетерпение и ропот.

¹ Под датой помета Пущина: «Пол[учено] 20 апреля».

² Бестужевы — декабрист Михаил Александрович и его сестры.

³ По случаю дня рождения Александра II 17 апреля.